ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 65 (3721) Четверг, 30 мая 1957 г. Цена 40 коп.

К СОРОКАЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Боевые плакаты революционных лет! Кто не помнит их суровой призывной силы. С первых месяцев революции их «шершавый язык» стал одним из самых могучих и действенных средств большевистской пропаганды.

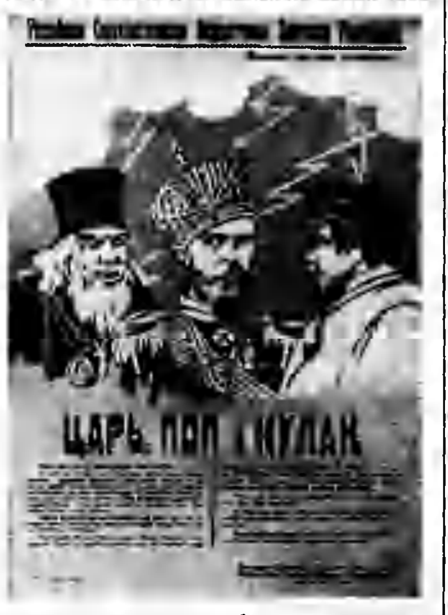
В тиши музеев и хранилищ работают сейчас ученые, готовя к 40-летию Великого Октября историю русского революционного плаката. Ими обнаружено много малоизвестных, а порой и неизвестных плакатов, выпущенных в самых различных городах страны разными учреждениями и организациями.

В Ленинграде корреспондент «Литературной газеты» побывал в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в хранилищах которой находится, пожалуй, самое богатое собрание русского революционного плаката. В нем насчитывается около ста тысяч самых разнообразных плакатов, воззваний, афиш, печатавшихся в Петрограде, Москве, Киеве, Орле, Иркутске, Архангельске, Одессе, Казани, городах Закавказья, Дальнего Востока, в бесчисленных армейских типографиях.

Как же была собрана эта коллекция?

Прежде всего помогла давняя традиция — высылать так называемые «обязательные экземпляры» всей полиграфической продукции в Петроград, в Публичную библиотеку. Большую роль сыграли и разыскания, предпринятые научными сотрудниками библиотеки в различных архивах страны.

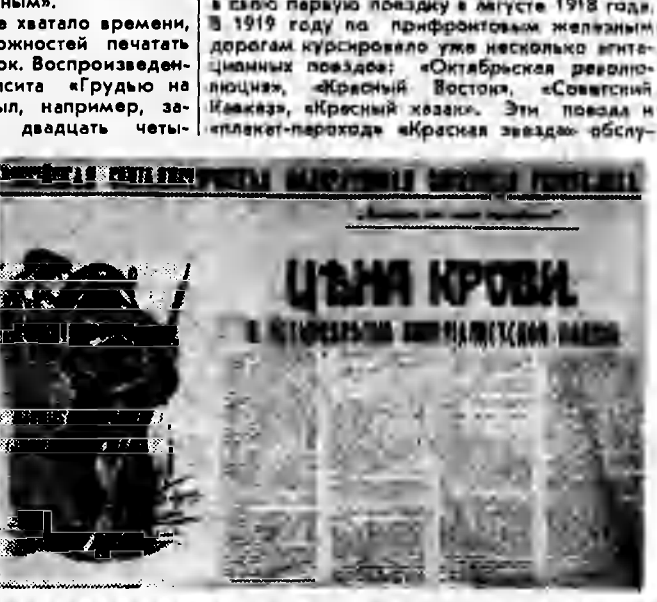
Жанр революционного плаката рожден Великим Октябрем, его порывом и размахом. В ту пору, когда у бойцов революции было на счету каждое мгновение, плакату суждено было подчас заменять собой газету, срочный приказ, обращение ревкома. Разумеется, в те дни плакат мог быть полезен лишь в одном случае — если он поспевал за событиями. «Случалось так, — читаем мы в воспоминаниях одного из современников, — что плакат, задуманный и осуществленный в 48 часов, запаздывал и становился ненужным».



Очень и очень часто не хватало времени, да и технических возможностей печатать плакат в несколько красок. Воспроизведенный здесь плакат А. Апсита «Грудью на защиту Петрограда!» был, например, задуман и исполнен в двадцать четыре часа — этого требовала обстановка напряженных боев с Юденичем. Где уж там было до второй краски!

Какой же плакат революции можно назвать первым по времени своего появления, так сказать, родоначальником этого жанра? Какому художнику принадлежит его рисунок? Кто написал его текст?

Ответить на этот вопрос трудно. Киевский искусствовед Б. Бутник-Сиверский, располагающий интересным собранием первых плакатов Октября (он предоставил редакции ряд ценных репродукций и их описаний), полагает, что приоритет в этой области принадлежит плакатам, изданным в 1918 году ВЦИКом — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.



Мы публикуем сегодня на этой странице два из этих плакатов: «Царь, поп и кулак» и «Цена крови».

Первый из них был издан одновременно на десяти языках: русском, украинском, белорусском, латышском, литовском, эстонском, татарском, мордовском, чувашском и марийском. Соответственно этому поп в каждом плакате превращался то в патера, то в муллу, а кулак приобретал те или иные национальные черты, меняя при этом картуз прасола на смушковую шапку, кителок или тюбетейку.

Плакат «Цена крови» был исполнен художником Л. Пастернаком и, как видим, представлял собой своеобразное соединение с политической листовкой, подводившей кровавый итог четырехлетней империалистической бойни.

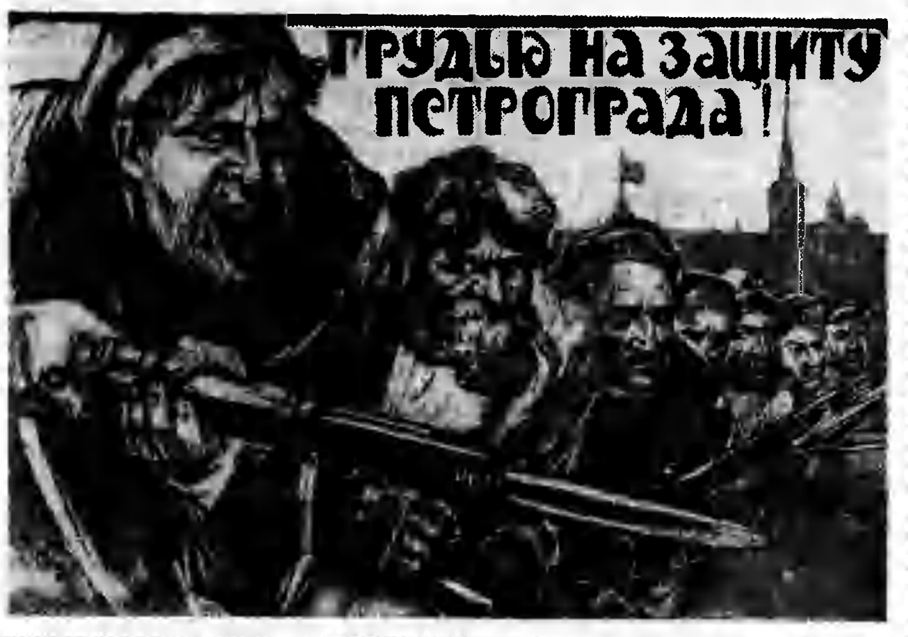
Вслед за издательством ВЦИКа выпуском революционного плаката занялся ряд организаций: Государственное издательство, литературно-издательский отдел ПУРа, РОСТА, Главполитпросвет; в годы гражданской войны политические плакаты, по неполным данным, выпускали свыше 450 организаций! Так с первых же месяцев своего рождения советский плакат стал массовым, в полном смысле этого слова, всенародным искусством. Он проникал в самые отдаленные населенные пункты, перешагнул и линии фронта, и границы республики.

Потом появились «плакаты-поезда» и «плакаты-пароходы». Вначале они только обвешивались и обклеивались плакатами и лозунгами. Однако ветер и дожди быстро уничтожали это непрочное оформление, и тогда было решено расписывать вагоны и пароходные надстройки масляной краской. Первый такой агитпоезд, именовавшийся «Военно-подвижным фронтовым литературным поездом имени тов. Ленина», вышел в свою первую поездку в августе 1918 года. В 1919 году по прифронтовым железным дорогам курсировало уже несколько агитационных поездов: «Октябрьская революция», «Красный Восток», «Советский Кавказ», «Красный казак». Эти поезда и «плакат-пароход» «Красная звезда» обслуживали 96 губерний, сделав в пути около восьмисот остановок.

Почти одновременно с бурным развитием военного и политического плаката в молодой республике стали формироваться все новые и новые жанры плакатного искусства. Еще в годы гражданской войны родились плакаты промышленный, сельскохозяйственный, медицинский, культурно-просветительная реклама.

Так возникло новое, большое революционное изобразительное искусство, которое с первых же дней своего существования поставило себя на службу партии, широким народным массам.

Воспроизводя на этой и других страницах «Литературной газеты» образцы первых плакатов революции, хочется выразить надежду, что в скором времени объединенные усилия их исследователей приведут к созданию их истории, а на первых порах — к 40-летию Великого Октября — будет организована Всесоюзная выставка революционного плаката.


Грудью на защиту Петрограда!

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Говорят депутаты...

Большой Кремлевский дворец. Депутаты Верховного Совета РСФСР обсуждают вопрос о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в Российской Федерации.

Россия... Необъятна ее территория, неисчерпаемы богатства ее недр, вод и лесов. Высокоразвитая индустрия, неуклонно движущееся вперед сельское хозяйство, 113 миллионов человек населения!

И еще одна цифра, дающая, быть может, самое яркое представление об удельном весе РСФСР в народном хозяйстве нашей страны: в Российской Федерации изготовляется три четверти всей промышленной продукции Советского Союза.

Не удивительно поэтому, что депутаты, выступающие в прениях по докладу Председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснова, заинтересованно и горячо говорят о необходимости создать более гибкие формы управления народным хозяйством и перейти, как указало в решениях VII сессии Верховного Совета СССР, к управлению промышленностью и строительством по территориальному принципу — через совнархозы.

Выражая мнение всего народа, депутаты говорят о том, что перестройку нужно завершить как можно быстрее. Первые шаги уже сделаны: в автономных республиках, краях и областях Федерации завершается определение границ экономических районов, уточняются структура и штаты совнархозов. Сюда, в совнархозы, подбираются наиболее опытные кадры, люди инициативные, обладающие чувством нового, свободные от чувства местничества, словом, способные стоять на страже общегосударственных интересов.

Докладчик М. А. Яснов доложил сессии, что с учетом пожеланий, поступивших от местных советских и партийных организаций на рассмотрение Верховного Совета РСФСР, вносится предложение об образовании в республике 70 экономических административных районов. Как правило, они совпадают с существующим административно-территориальным делением Российской Федерации.

Впрочем, каждое новое дело не терпит шаблона. Ленинградский район, например, будет объединять предприятия не только самого Ленинграда и Ленинградской области, но также Псковской и Новгородской областей. А в Тувинской области имеется в виду подчинить предприятия облисполкому. В Тюменской, Магаданской и Камчатской областях — сравнительно небольшое число предприятий. Но все три области [illegible], имеют большую территорию. В силу этого управление их промышленностью из других центров было бы крайне осложнено. Поэтому во всех трех областях предлагается образовать самостоятельные экономические административные районы.

Творческий подход к государственному делу — вот что отличает работу сессии. Некоторые вопросы перестройки вызывают споры. Вносятся различные предложения. Депутат Ф. Г. Загафуранов считает, например, излишним образование республиканского Министерства нефтяной промышленности. Почему? Госплан Российской Федерации предусматривает создать отраслевой отдел нефтяной и газовой промышленности, в ведении которого будет и перспективное и текущее планирование... Тов. Загафуранова поддержали депутаты А. Н. [illegible] и В. И. Муравленко. Депутат И. Г. Третьяков считает целесообразным создать Министерство сельского строительства РСФСР...

Работа сессии продолжается. В ней принимают участие руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Обсуждение татарской прозы

Как писать образ человека труда — нашего современника? Как добиться цельности, жизненной полноты, психологической глубины в создании этого образа, а значит, полноты и глубины его идейного и эмоционального воздействия на читателя? Что же такое, наконец, «производственная тема»? По этим вопросам литераторы спорили — и спорили горячо — на обсуждении книг татарских прозаиков в Союзе писателей 27 и 28 мая.

Татарская проза накопила значительный опыт реалистического отражения жизни, это проза большой культуры, и читатели вправе требовать и ждать от нее живого, правдивого и своевременного ответа на свои запросы, художественно совершенного рассказа о людях и делах наших дней. Именно с этих позиций подходило большинство участников обсуждения к творчеству современных прозаиков республики.

Глубина изображения народной жизни, стремление поставить в произведении острые проблемы эпохи — это стало традицией в татарской литературе еще со времен Г. Тукая, Ш. Камала, Г. Ибрагимова. На материале современности написана и большая часть произведений, представленных на обсуждение, — роман И. Гази, повести Ф. Хусни и А. Еникеева, рассказы М. Амира, Р. Тухватуллина.

Прозаики Татарии много пишут о деревне, и интерес их к этому материалу вполне закономерен и тоже традиционен. Но в республике произошли за последние десятилетия разительные перемены: Татарстан стал промышленным, неизмеримо вырос в нем рабочий класс. А писатели обращаются к жизни рабочих еще очень робко и мало. Не случайно поэтому на обсуждении самое серьезное внимание привлек к себе роман И. Гази о нефтяниках — «За городом, за Казанью». Здесь-то и развернулись разговоры о производственном конфликте, о связи «личной» и «технической» линий. И, в общем, все участники спора были довольно единодушны в своем отрицательном отношении к той, по выражению председательствовавшего С. Антонова, «чересполосице производственной и любовной тем», которая есть еще в очень многих произведениях. В. Шкловский сказал еще резче: «В поломанный автомобиль производственной темы впрягают любовную лошадку, пытаясь «вывезти» книгу».

Но в оценке самого романа точки зрения разошлись. Часть выступавших, положительно отзываясь о вторжении автора в новую, трудную для татарской литературы область, критиковала роман в основном за те же недостатки, которые назвал в своей статье, опубликованной в «Литературной газете», и в своем выступлении на обсуждении Б. Рунин, — за облегченность, недостоверность конфликта, за то, как говорили в своих выступлениях Г. Гулиа и Н. Богданов, что личная жизнь героев отгорожена от их труда. По мнению А. Садовского, автор романа, написав несколько убедительных, запоминающихся образов, наметив конфликты, не сумел эти конфликты по-настоящему поставить и художественно решить.

— И. Гази точно знает нефтяное дело, точно усвоил отношения людей на производстве, и в этом его сила, — сказал С. Антонов, — но в книге нет внутренней темы, и в этом художественный просчет автора. Когда найдена целеустремленная, основная, не зависящая от техники, хоть и связанная с нею тема, тогда появляется и правильная точка зрения на «степень техницизма». Можно писать о любой производственной проблеме, но лишь в том случае, если она связана с человеческой судьбой, если она стала проблемой личной. И. Гази идет по сложному пути. Недостатки его произведения — это недостатки роста.

Не согласился с критикой романа М. Амир, который заявил, что Гази удалось воспеть поэзию труда, что слияние личного и производственного в книге достигнуто. К сожалению, оратор свою точку зрения никак не аргументировал. Ничем не доказал и М. Бубеннов своей отрицательной оценки статьи Б. Рунина: он лишь сказал, что статья его не удовлетворила и что «роман в ней был немного принижен». Начал с возражения Б. Рунину и Г. Кашшаф, но затем он похвалил именно образы, положительно оцененные в рецензии.

Автор романа И. Гази выразил недоумение по поводу противоречий в оценке его книги, но, по существу, критики не принял.

О своеобразии писателя, его манере, стиле письма, авторской интонации многие из выступавших говорили в связи с повестью Ф. Хусни «Любовь под звездами», рассказами М. Амира и Р. Тухватуллина. А. Борщаговский и Н. Замошкин, анализируя рассказы молодого писателя Р. Тухватуллина, расходились в конкретных оценках, но оба отмечали [illegible] и простоту его манеры, живую достоверность образов, правильность позиции автора, умение поэтизировать то, что на первый взгляд является обыденным. Еще больше похвал за эти качества получила повесть Ф. Хусни. Правда, В. Василевский упрекал писателя в слабой психологической мотивированности некоторых характеристик. Зато почти все другие ораторы не нашли в повести сколько-нибудь серьезных недостатков. «Автору счастливо удалось воедино слить личное и производственное», — заявил В. Ковалевский. С. Трегуб и И. Гринберг полемизировали с напечатанной в свое время в «Литературной газете» рецензией В. Лукашевича, упрекавшей Ф. Хусни в том, что в его повести реальная жизнь колхоза и МТС как бы не показана. При этом они ссылались на отдельное, доработанное автором издание повести, забыв о том, что В. Лукашевич писал о тексте, опубликованном в журнале «Дружба народов».

Много внимания участники обсуждения уделили повести А. Еникеева «Спасибо, товарищ!» и его рассказу «Болотный цветок», подвергнутым критике в «Литературной газете».

— В повести «Спасибо, товарищ!», — заявила Н. Чертова, — все правильно, все ясно, не поверить этому невозможно.

Рассказ «Болотный цветок» Н. Чертова оценила отрицательно, к сожалению, не подтвердив этого серьезным разбором. Не было анализа этого художественно слабого, ошибочного рассказа, и в выступлениях тех, кто хвалил «Болотный цветок», — Н. Нурулиной, Ф. Хусни, А. Борщаговского, С. Антонова. Они в основном ограничились лишь комплиментами в адрес автора. А. Борщаговский и С. Антонов отмечали, правда, слабость образа секретаря райкома Андреева, но и только!

Не был, по существу, обсужден интересный роман А. Файзи «Тукай» — его лишь слегка коснулся В. Шкловский, и частично о нем говорил (не во всем справедливо и без хорошего знания материала) И. Кремлев.

Обсуждение было острым, активным, но [illegible] полемикой с [illegible] в печати [illegible] было в первый день обсуждения [illegible] о татарской [illegible].

В обсуждении приняли участие также [illegible].

С неизменным успехом...

Подходит к концу творческий смотр литературы и искусства Советской Татарии.

Каждая встреча с татарскими деятелями культуры приносит москвичам много ярких, незабываемых впечатлений. За эти дни Академический театр имени Г. Камала показал еще одну свою работу — комедию Н. Исанбета «Зифа». Тепло была принята зрителями пьеса М. Елизаровой «Юность Буревестника», посвященная молодым годам М. Горького. С неизменным успехом идет балет «Шурале» в исполнении талантливого коллектива Театра оперы и балета имени Мусы Джалиля. С драмой М. Файзи «Галия-бану» познакомил зрителей Мензелинский колхозно-совхозный театр.

По-прежнему интересно проходят встречи москвичей с татарскими поэтами и прозаиками. Вечера татарской литературы состоялись на Московском автозаводе имени Лихачева и Московском машиностроительном заводе.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Ирины Вильде орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии украинской советской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писательницу Ирину Вильде ([illegible] Дарью Дмитриевну) орденом «Знак Почета».

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
К. ОЗОЛИНЬ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль,
29 мая 1957 г.

ПО ПОЧИНУ передовых колхозов в эти дни по всей нашей стране широкой волной разлилось новое великое движение — за крутой подъем животноводства, за получение 100 центнеров мяса и 400 центнеров молока с каждых ста гектаров земельной площади.

Изучив и обобщив передовой опыт передовых колхозов и совхозов, новаторов животноводства, опираясь на мощь социалистической индустрии, наша партия выдвинула ныне задачу исторической важности — в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Смелая, захватывающая и вдохновляющая задача! Она взволновала наших колхозников, рабочих совхозов и МТС, вызвала среди них большой производственный подъем.

Расчеты показывают, что уже в этом году население нашей страны получит [illegible] столько же или даже больше, чем получили США в прошлом году. По производству молока на душу населения мы можем не только догнать, но и превзойти США уже в ближайшие годы.

Для того, чтобы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, нам необходимо увеличить его производство по сравнению с 1956 годом не менее чем в 2,5 раза.

Включаясь в социалистическое соревнование за крутой подъем животноводства, многие колхозы и совхозы взяли на себя обязательство в течение двух-трех лет увеличить производство мяса в 3—4—5 раз. Высокие обязательства берут на себя не только отдельные хозяйства, но и целые районы и области.

Немалый успех в развитии животноводства за короткий срок сделали [illegible] Смоленской области. О нем [illegible] в очерке «Миллионерша».

Наш народ полон решимости добиться [illegible].

Миллионерша

— Конечно, все это не просто. Чтобы в полтора раза увеличить у нас на Смоленщине надои молока, потрудиться нужно немало. Но обязательства взяли не с потолка, все колхозники участвовали в обсуждении, — говорил секретарь Починковского районного комитета партии Шараев. — Возможности у нас теперь есть. Сильное хозяйство создали, почти повсюду [illegible]. Все зависит теперь от людей, [illegible].

Он достал листок глянцевой бумаги, на котором синей типографской краской был напечатан портрет женщины.

— Вот одна из лучших наших доярок, — указал Шараев, протягивая через стол листок. — На таких и другие равняются. Познакомьтесь с этой женщиной, посмотрите, сразу станет ясно, что обязательства опираются на прочную основу.

Я приехала в совхоз затемно, а Тарабаровой еще не было дома. Пришла она усталая, совсем уже поздно. Познакомились, я хотела сразу же и уйти, но она не отпустила. Мы условились с ней утром вместе пойти на дойку.

Еще не светало, когда Тарабарова поднялась, [illegible] половину четвертого. [illegible] Тарабарова снова легла, [illegible]. В комнате стояла теплая сонная темнота. Она обволакивала, [illegible], веки слипались. Откуда-то издалека я услышала, как на стене мягко и глухо ударили четыре раза, и после каждого удара в комнате разливался мелодичный звон, будто кто-то перебирал струны. Когда я с усилием вновь открыла глаза, из тьмы обозначился синий квадрат окна. Тарабарова, мягко ступая, ходила по кухне. Я тихонько нажала на ручку двери. Тарабарова вздрогнула, оглянулась и сказала растерянно:

— Разбудила все-таки. Рано еще. Велико ли дело, посмотрели бы и потом.

Мы вышли на улицу. В поблекнувшем небе золотисто и тонко дрожал молодой месяц. Звезды гасли, уступая свету, разгоравшемуся на востоке зарева.

У коровника Тарабарова задержалась. Дождалась идущую позади за нами женщину, [illegible], прикрывая рукой рот.

— Что там слышно, Титовна, с кормами? — спросила она.

— Скоро теперь организуем зеленую подкормку, перейдем на круглосуточную пастьбу, — ответила подошедшая, и я узнала в ней бригадира Ольгу Титовну Симутенкову, портрет которой видела в районном центре.

Все вместе мы вошли в помещение. Симутенкова скинула на скамейку [illegible] полушалок и осталась в завязанном на затылке платочке, из-под которого в разные стороны торчали упругие завитки волос. Она села за столик, достала толстую канцелярскую книгу и принялась считать.

Тарабарова быстрыми шагами прошла по ряду своих коров, и они [illegible] к ней величественно, украшенные красиво изогнутыми рогами головы. [illegible] Коровы [illegible] и медленно, со сладким хрустом жевали его.

Коровник наполнился голосами доярок. [illegible] простором цветущего луга.

Я издали наблюдала за [illegible].

За стеной гудел мотор, равномерно вздыхали трубки доилок. Симутенкова [illegible] мой взгляд, сказала [illegible]:

— Лучше работать дояркой, чем бригадиром. И дело все на виду, и почету больше. Я вот тоже когда-то доила. Потом [illegible] в депутаты Верховного Совета выбрали, перевели в бригадиры, а я все прошусь обратно. Уж я бы тогда не то что с Тарабаровой, а с самой Ильиной потягалась. Слышали о такой? Более чем по пяти тысяч литров от коровы надаивает.

— В чем секрет первенства Тарабаровой? — спросила я.

— [illegible] А Тарабарова понимает [illegible].

[illegible] Молока было значительно больше, чем в прошлом году в это время. Потом она принесла молокомер и сказала кратко:

— Будем мерить!

Она внимательно наблюдала, как в узком ведре [illegible], записывала меру. Вокруг ее стола стояли женщины. С [illegible] волнением они следили за [illegible].

[illegible]

— Ну что ж, молодым уступить надо. Вон они как стараются.

[illegible]

А потом мы сидели с ней за [illegible]. Тарабарова [illegible].

— [illegible], Наталья Кондратьевна, чем вас наградили? — спросила я.

— Все, что есть, все дадено. И квартира, и стол, и [illegible]. Работали много, [illegible] — сказала Тарабарова и задумалась.

— Жизнь-то очень уж быстро промелькнула, — вздохнула она. — Девяти лет осиротела, пошла от отца нянькой. А [illegible]

— А как же [illegible]? — спросила я. — [illegible]

— [illegible]? — встрепенулась она. [illegible] Сына вырастила. [illegible] Видели вы сына-то?

Мы подошли к висевшей на стене раме с карточками, на которых была представлена вся родословная Тарабаровой. [illegible]

Я читала почетные грамоты. В них говорилось о безупречной работе лучшей доярки совхоза «Коммунар».

— Почему не повесила их? Мне и стены не хватит, — смеясь, сказала она. — Вот уж и медали не всегда показываю.

Медалями была закрыта вся грудь [illegible] розовым одеялом кроватью.

Среди грамот я нашла тот самый билет, который послужил поводом для нашей встречи с Тарабаровой.

В билете говорилось, что за трудовую жизнь надоила она миллион литров молока.

Кто-то пометил в билете цифры:

«Миллион литров — это [illegible] двухосных цистерн. [illegible] килограммов масла, или [illegible] сметаны, или [illegible] килограммов сыра.

Этим количеством продуктов можно прокормить население небольшого, тысяч в десять человек, районного центра, давая в течение четырех с половиной месяцев на человека по литру молока».

Торжество в честь Тарабаровой [illegible] в районном Доме культуры. [illegible]

Пробили часы. Тарабарова стала снова собираться на дойку.

Я пошла к селекционеру совхоза Марии Нестеровне Богдановой, обещавшей показать мне стадо совхоза. Проходя через скотный двор, где стояли коровы первой бригады, я видела, как Тарабарова вновь чистила и мыла своих породистых [illegible].

Симутенкова, сидевшая за столом, улыбнулась, обнажив ровные мелкие зубы, и, обращаясь к селекционеру, сказала:

— А все-таки, Нестеровна, я уйду в доярки.

⁂

Вчера я позвонила в Смоленск.

— Как идут в области дела? — переспросили в обкоме. — В этом месяце надоили на сто литров больше, чем в это же время в прошлом году, а Починковский район — и того больше. [illegible] Среди десяти областей средней полосы наши хозяйства идут на первом месте. Каково настроение? Прекрасное! Так что будем теперь догонять Америку!

В. ШАПОШНИКОВА

РАВНОДУШИЕ

К. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

— Вот так оно и получилось, — закончил свой рассказ директор Харьковского института усовершенствования врачей Иван Иванович Овсиенко. — Вы меня поняли?

Иван Иванович затянулся, выпустил добрую порцию дыма и снова подытожил:

— Руководство кафедрой он не мог обеспечить — это раз. А потом медицина — это ведь все-таки наука, тоже, знаете, нужно быть, как говорится, в курсе дела. А у него — ну, какая там наука? Кадры? Тоже, можно сказать, не готовил...

Я вышел из кабинета с каким-то неприятным ощущением. Как же так? Накануне беседы с директором я читал подписанный им отзыв о работе заведующего кафедрой хирургии профессора А. И. Мещанинова. Собственно, это был не отзыв, а приветственный адрес, преподнесенный А. И. Мещанинову в день его 75-летия в 1954 году. Между прочим, там было написано:

«...Вы являетесь пионером тканевой терапии, продолжая разрабатывать практическое ее применение и по сей день. Вами написано более 80 работ по актуальным вопросам хирургии. Всё новое в хирургии со свойственным Вам пылом и настойчивостью Вы проводите в жизнь. Свой богатый клинический опыт Вы охотно передаете молодому поколению хирургов. На Вашей кафедре прошли специализацию и усовершенствование сотни врачей».

И дальше — все в таких же выражениях. Это было тогда. Теперь директор говорил о том же человеке, но совсем другими словами: «не обеспечил... не готовил... не может...» Странно...

⁂

В конце дня трамвайные вагоны третьего маршрута заполнены до отказа — он связывает город со знаменитой Холодной Горой, где живут преимущественно рабочие харьковских предприятий. Медленно поднимается в гору переполненный трамвай, которому предстоит проделать долгий путь по городской окраине. Пассажиры стараются устроиться поудобнее, некоторые читают, кто-то даже умудрился задремать.

Протиснувшись к кондуктору, я называю номер дома — 152-й — и спрашиваю, где мне выходить. Кондуктор точно не знает. В разговор вмешиваются пассажиры: один советует выйти на четвертой остановке, другой — на пятой. Потом какая-то женщина спрашивает:

— А вам, часом, не Мещанинова дом нужен?

— Да, профессора Мещанинова.

— Что же вы сразу не сказали? — удивляется кондуктор.

— На третьей вам выходить, — говорит пассажир, который раньше советовал выйти на пятой.

— Войдете во двор, потом налево, — добавляет женщина в платке. — Там и живет Александр Иванович.

— А правда, что Александр Иванович уже не работает? — спрашивает вдруг, обращаясь к соседке, пассажир, сидящий у окна.

И вот уже пошел общий разговор, в котором участвует почти «весь вагон», — я ничуть не преувеличиваю. Можно было подумать, что все пассажиры — пациенты Мещанинова, только что исцеленные им от недугов. Позже я убедился, что в этом огромном рабочем районе, пожалуй, нет более популярного человека, чем профессор Мещанинов, которого все здесь называют просто по имени и отчеству.

Что это — хорошая слава врача? Да, конечно. О нем говорят: прекрасный хирург, чудесный диагност. Но это не только слава врача. Мало быть крупным специалистом своего дела, нужно, по-видимому, обладать какими-то особыми человеческими достоинствами, чтобы заслужить такую добрую славу.

⁂

В Харьковском историческом музее хранятся документы, письма, вырезки из старых газет, рассказывающие о подвиге профессора Мещанинова в годы Великой Отечественной войны.

...Когда в 1941 году гитлеровские войска ворвались в Харьков, холодногорская больница, которой руководил Мещанинов, напоминала военный госпиталь. Рядом, в доме профессора, родные упаковывали чемоданы, с минуты на минуту ожидая приезда машины, чтобы эвакуироваться, а в операционную приносили все новых и новых раненых.

— Ладно-ладно, еще одна операция, и я приду, — сказал Александр Иванович дочери, прибежавшей за ним.

Стреляли где-то совсем близко. Потом стало тихо. Мещанинов заканчивал последнюю операцию.

— Немцы! — испуганно вскрикнула старшая операционная сестра.

Профессор успел ампутировать правую руку у совсем еще юного красноармейца, когда в операционную вошел немецкий офицер с тремя солдатами.

— Кого оперируете? — спросил он.

— «Цивиль», — поспешно ответил профессор и подумал, что с этой минуты для него начинается какая-то другая жизнь, в которой он перестал быть просто врачом.

Трудно подсчитать, сколько солдатских жизней спас Мещанинов в те черные дни. Трудно потому, что, едва став на ноги, эти люди надевали какую-нибудь гражданскую одежонку, получали в больнице документы умерших и незаметно исчезали.

Вскоре больница осталась без продуктов. Однажды на базаре появился пожилой человек в белом халате, надетом поверх пальто. Толкая перед собой тачку, он проходил меж базарных рядов и просил пожертвовать что-нибудь для раненых. Этого человека сразу узнали — с 1919 года он руководил здешней больницей, не раз избирался в районный и городской Советы.

Тачка быстро наполнялась продуктами. Молва, что профессор Мещанинов собирает продовольствие для раненых советских бойцов, распространилась быстро. Она дошла до близлежащих сел. И уже через несколько дней в профессорский дом начали приходить холодногорские женщины и колхозницы из пригородов. Каждый приносил с собой что мог: кто картошку, кто хлеб, кто свеклу. Так возник на Холодной Горе своеобразный «Красный Крест».

Неподалеку от больницы — в тюрьме — томились пленные советские воины. Ежедневно десятками они умирали там от голода и болезней. Мещанинову вместе с врачом К. Седовым удалось организовать госпиталь на несколько сот коек для военнопленных. И хотя профессор был предупрежден немецким комендантом о том, что будет нести ответственность за побег пленных, он делал все, чтобы, вылечив, помочь им бежать.

За свою работу в годы Отечественной войны А. И. Мещанинов в 1945 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Эту страничку из жизни профессора Мещанинова я попытался воспроизвести с одной лишь целью — она в какой-то мере позволяет представить себе облик этого человека. Можно было бы рассказать и о другом. О том, например, что, кроме двух родных дочерей, Мещаниновы воспитали более десяти чужих детей. Или о том, что для Александра Ивановича сутки никогда не делились на день и ночь, когда речь шла о здоровье людей. В холодную зимнюю ночь профессор готов был пешком пройти в любой конец города, чтобы оказать помощь больному. Нужно ли удивляться, что среди десятков поздравительных адресов в кожаных, коленкоровых и картонных переплетах, преподнесенных А. И. Мещанинову к юбилею, есть и такой адрес с кратким, но достаточно выразительным текстом: «Лучшему из людей, врачу-бессребренику Александру Ивановичу Мещанинову в день 75-летия от любящего населения Холодной Горы».

⁂

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что до сих пор много говорилось о Мещанинове-человеке и совсем мало — о Мещанинове—хирурге, ученом и педагоге. Так получилось потому, что в истории с Мещаниновым нас главным образом и интересует, если можно так выразиться, человеческая сторона дела.

Ну, а о том, какой он специалист, достаточно хорошо известно в медицинском мире. Более 80 работ, имеющих немаловажное научное и практическое значение, сотни учеников — молодых врачей, прошедших специализацию под его руководством, — это звучит весьма убедительно. Не так давно имя Мещанинова упоминалось в докладе советской делегации на XVI Международном конгрессе хирургов в Копенгагене. Его заслуги высоко оценивают крупнейшие хирурги страны. Действительный член Академии медицинских наук, заслуженный деятель наук РСФСР А. В. Мельников пишет, например: «Доктор медицинских наук профессор А. И. Мещанинов является одним из выдающихся хирургов нашей Родины, пользующихся всесоюзным авторитетом. Роль Мещанинова в развитии советской хирургии очень велика, он автор многочисленных научных исследований. Нет сомнения, что Александр Иванович является первым хирургом Украины».

Так вот, о человеческой стороне дела. В прошлом году на должность, которую Мещанинов занимал не один десяток лет, на должность заведующего кафедрой хирургии Института усовершенствования врачей объявили конкурс. Были представлены три кандидатуры, после чего конкурсная комиссия рекомендовала Ученому совету первым кандидатом профессора М. М. Ляховицкого. Он и оказался избранным.

Еще несколько лет назад Александр Иванович Мещанинов удивлял всех своей не по возрасту кипучей деятельностью: одновременно работал главным врачом холодногорской больницы и заведующим кафедрой в институте, был депутатом горсовета и почетным председателем областного общества хирургов, успевал при этом читать публичные лекции, выступать на научных конференциях и съездах, возглавлять государственную экзаменационную комиссию в мединституте. В последнее время профессор оставил все другие занятия, чтобы больше внимания уделять кафедре, — это все-таки была основная и любимая работа. А теперь и она ушла от него.

Ну, что ж, мы понимаем, что такое все равно должно было случиться, если не сейчас, то несколько позже: к хирургу, как известно, старость приходит гораздо раньше, чем, скажем, к терапевту или невропатологу. И вполне вероятно, что сравнительно молодой профессор М. М. Ляховицкий, работавший в свое время под началом Мещанинова, в самом деле сможет руководить кафедрой более успешно. Все это, по-видимому, так. Но вот закончился конкурс, издан приказ. А дальше?

Дальше произошло нечто совершенно непонятное. Александр Иванович почувствовал вдруг, что вокруг него образовалась какая-то «торичеллиева пустота». Выглядело это так, словно он вышел из института и за ним тут же плотно захлопнули двери.

Сначала он надеялся и терпеливо ждал,—может быть, кто-нибудь приедет за ним из института, может быть, позвонят по телефону, предложат какую-нибудь работу, попросят принять участие в каком-нибудь деле,— ведь за многие десятилетия он сроднился с институтом, жил интересами коллектива. Ну хорошо, его освободили от заведования кафедрой, но разве дело в должности? Разве его присутствие среди молодых специалистов само по себе не принесло бы им пользы? Да нужно ли доказывать, что ученый, профессор, врач-общественник, более полувека своей жизни отдавший борьбе за здоровье людей, мог бы еще очень и очень многому научить молодых специалистов?

Однако в институте об этом почему-то никто не подумал. Там не только не побеспокоились о том, чтобы удержать Мещанинова, оставить его, скажем, консультантом или подыскать другую должность; не только не поинтересовались его судьбой после того, как он оказался вне коллектива, но вообще поступили по отношению к нему недостойно, оскорбительно. Оказывается, с профессором, проработавшим в коллективе свыше 30 лет и воспитавшим не одно поколение врачей, даже не попрощались по-человечески, не поблагодарили его, не проводили так, как провожают у нас обычно всех ветеранов труда, независимо от их положения и профессии. Старый труженик, заслуженный врач оказался вдруг забытым и ненужным. Забытым — через день после того, как состоялся конкурс.

Все это не укладывается в сознании. Труд человека, его заслуги перед народом никогда и нигде не ценились так высоко, как ценятся сейчас в нашей стране. Тем более холодными и равнодушными людьми выглядят те руководители института, которые, вычеркнув профессора Мещанинова из списков сотрудников, как бы «списали» его в архив.

Мне рассказывали, что несколько лет назад, во время чествования Александра Ивановича в связи с его 75-летием, один из выступавших спросил с трибуны, обращаясь к залу:

— Почему так любят профессора Мещанинова?

И сам ответил на этот вопрос:

— Потому что в каждом человеке он видит прежде всего человека...

В этой простой фразе передан, пожалуй, весь смысл жизни людей, подобных Александру Ивановичу Мещанинову. Их у нас немало. Каждый из них — большая ценность для нашего общества. Их честный, самоотверженный и бескорыстный труд служит прекрасным примером для молодежи и гневным укором всему, что носит определение равнодушия. А равнодушие — это пустые глаза и холодная душа, это то, против чего наше общество неустанно борется.

КИЕВ

Юбилей Н. Гудзия

Литературная общественность Киева и Москвы отметила семидесятилетие видного советского ученого-литературоведа Николая Каллиниковича Гудзия. Секретариат правления Союза писателей СССР и президиум правления Московского отделения Союза писателей направили юбиляру приветствие, в котором говорится о больших заслугах Н. Гудзия — автора многих работ, посвященных древней русской литературе, творчеству Льва Толстого, Котляревского, Шевченко, — перед отечественной наукой и литературой.

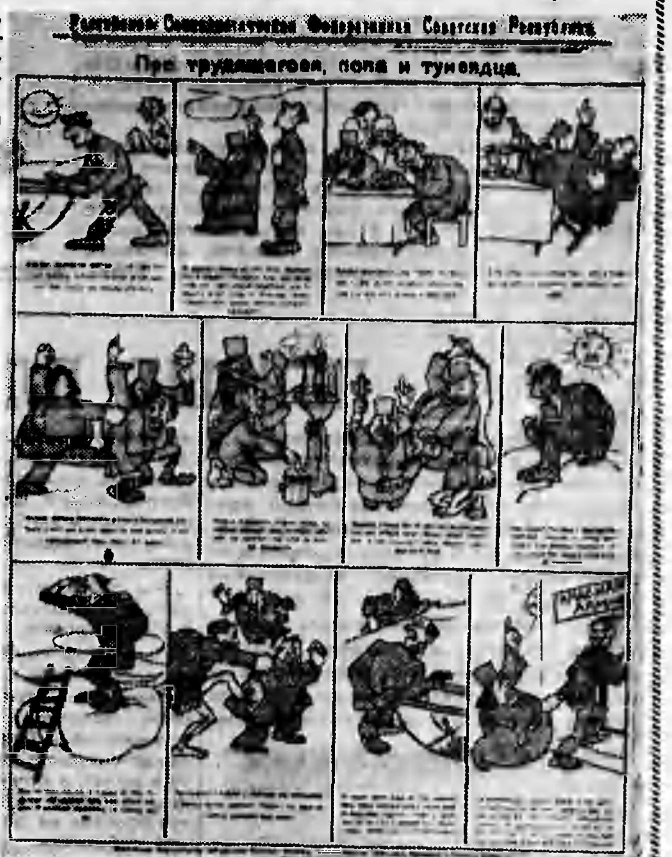
Особо подчеркивается в приветствии многолетняя педагогическая деятельность Н. Гудзия:

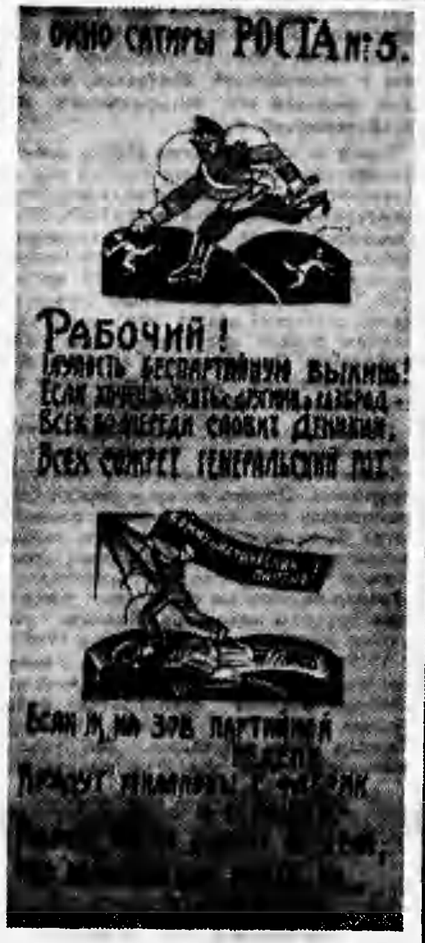
«Множество молодых (впрочем, и далеко уже не молодых!) литературоведов, критиков, педагогов называют теперь себя Вашими учениками. Широко известно Ваше внимательное, любовное отношение к студенческой молодежи, умение находить и поощрять будущих талантливых ученых и литераторов. Ваши самоотверженные усилия в этом направлении могут служить примером для многих и многих так же, как и Ваша неутомимая общественная деятельность».

ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

«Про трудящегося, попа и тунеядца» — один из серии многокадровых сатирических плакатов, создателем которого был в 1918 году М. Черемных. Художник сам писал к ним тексты. Эти плакаты получили в свое время огромную популярность, переиздавались в ряде городов. Трудясь над ними, М. Черемных пришел к идее создания знаменитых «Окон РОСТА», над которыми вскоре стали работать вместе с ним Маяковский, Моор, Малютин и другие.

По примеру Москвы с 1920 года начали выходить размножаемые от руки «Окна сатиры» в 32 городах России, Украины, Белоруссии, Закавказья, Крыма, Дальнего Востока и республик Средней Азии. Общее количество «Окон сатиры РОСТА» в 1920 году значительно превышало всю печатную плакатную продукцию.

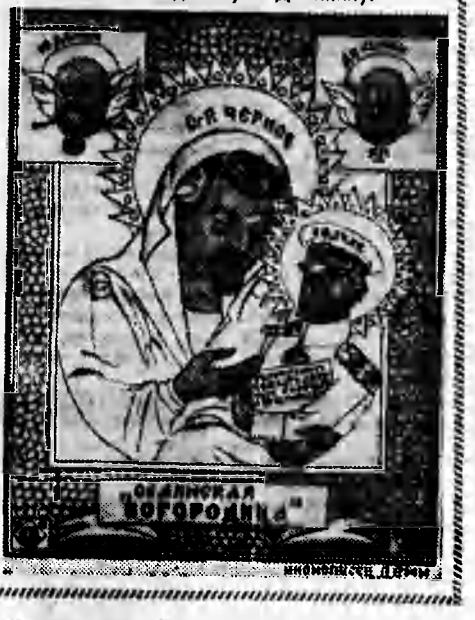

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Про трудящегося, попа и тунеядца.


Окно сатиры РОСТА № 5.
Рабочий!

Этот плакат, помеченный № 5, является вместе с тем первым «Окном сатиры», в котором и текст, и рисунок принадлежат В. Маяковскому. За годы гражданской войны Маяковский написал не менее 582 текстов и нарисовал не менее 358 «окон». Им создано несколько тысяч рисунков, так как каждое «окно» имело от двух до двенадцати самостоятельных кадров довольно больших размеров. Такой продуктивности не знал ни один художник-плакатист.

◆

Знаменитая «Селянская богородица» В. Дени. В виде богоматери на сатирической «иконе» изображен небезызвестный эсер Чернов. Роль покоящегося у него на руках «младенца» отведена Колчаку, а «ангелочков» в верхних углах «иконы» — Юденичу и Деникину.



Обнаружен древний город Гуштаспи

БАКУ. (Наш корр.). В истории средневекового Азербайджана был хорошо известен город Гуштаспи — некогда богатый центр одноименной области, названной так в честь одного из Ширваншахов. Область эта славилась земледелием и рыболовством, вела торговлю с Индией, Византией и другими странами. Однако точного местонахождения города Гуштаспи никто не знал.

При сооружении ирригационного канала невдалеке от города Сальяны колхозники обратили внимание на черепки глиняных сосудов, глазурованные плитки, кости животных, то и дело попадавшиеся в выбросах земли. Об этом сообщили в Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР.

Ученые тщательно обследовали местность и обнаружили множество небольших оплывших холмиков, развалин жилых домов и производственных сооружений. Здесь же были найдены различные бытовые предметы, многоцветная поливная керамика, каменные плиты с надписями, монеты. Наиболее ранние археологические памятники относятся к IV—V векам до нашей эры, более поздние — к средневековью.

На основании этих находок ученые пришли к выводу — найден знаменитый город Гуштаспи. Археологические раскопки будут продолжены.

В ПУТИ

Писатель В. Сафонов заканчивает работу над «Повестью о морях и суше». В основу повести положены впечатления, накопленные во время поездок писателя по родной стране и за границей.

Мы печатаем отрывок из первых глав повести.

ЗА ОКНАМИ — брянские места. Речка и чистый луг, густая трава с брызнувшими цветами (отчего вдали примешивается к ее темно-зеленому фону теплый, какой-то гречишный оттенок) так мягка, что коровы, по брюхо бродящие в ней, верно, почти вовсе ее не ощущают. В конце колосящегося поля курятся дымки, там деревенька. И высокой ровной стеной стоит лес с красными стволами сосен.

Я слышу разговор в коридоре:

— Какая прелесть!

— Прелесть... Не выношу этого слова. Не сердитесь, Анна Сергеевна.

— Давайте заменим, подсказывайте, — соглашается собеседница, художница Анна Сергеевна.

— Сюда бы — вместо всех этих Гагр, путевки в Сочи. Вот!

— Ну, а вы, Алла?

В руках у художницы альбом для набросков. Я заметил, что по всему купе из чемоданов извлечены толстые тетради, блокноты, альбомы, и, чуть отъехали из Москвы, головы уже трудолюбиво склонились над бумагой.

— Я... — И Алла вдруг совершенно не к месту расхохоталась. — Я просто еще раз догадалась сегодня: если поступаешь, как думаешь, только тогда и значит — на самом деле это думала.

Я любуюсь ею, когда, вскинув гладко причесанную голову с гордым профилем, раздувая ноздри тонкого носа, высокая девушка отважно высказывает свои «крайние» суждения. Такими, по крайней мере, считает их Анна Сергеевна.

— Притчами и загадками говорите, дорогая, — усмехается она. — Ну и как же вы поступаете?

— Вот так, — говорит Алла под быстрое ритмическое постукивание колес, — отнесет тебя судьба в сторону от привычной тебе дорожки и покажет тебе... точно чужое счастье. И стыдно тебе, и зависть возьмет Вы не обижаетесь на меня, Анна Сергеевна? Я вот в Новгороде была. Именно новый город, весь отстроенный заново, с тысячелетним сердцем. Хотите, расскажу?

Мне известно, что Алла по профессии архитектор. Ее собеседница старше ее и всерьез ее не принимает:

— Ну кто же сознается в зависти, Аллочка?

Но Алла, глядя не на собеседницу, а куда-то вверх, на верхушки сосен, теперь рассказывает и без приглашения:

— Вы представьте: весь! Заново! Там ничего не осталось после войны. На Софийской стороне — даже следов улиц. Я видела. Постойте: когда? В сорок пятом году. Кремль на пустом месте, один на холодном, рассветном небе, как подъезжаешь поездом... И вокруг — заросли мертвого, бурого кипрея, мне по плечи; его звали «пожарником»... Знаете, иван-чай.

А я, непрошенный слушатель этого разговора, думаю, как поверхностно и мало мы знаем свою страну, изумительную ее землю. Как нерадиво относимся и к великому сокровищу ее — красоте. Умеем ли всегда ценить эту красоту, беречь и сохранять, гордиться ею? Найти и увидеть всюду, где она есть, показать другим? Воспитывать на ней детей и молодежь, сделав так, чтобы чувство красоты родной земли с ранних лет, с младенчества сопровождало человека в жизни, участвовало в формировании его?

В Европе «обсосан» каждый камень. Написаны стихи о всех дорожных перекрестках. Закаты и восходы, ущелья и руины распределены по художественным изданиям и путеводителям, точно коллекции бабочек, наколотые на булавки. Города обитаемы не только их жителями, но и украшающими их образами поэтической фантазии, можно сказать, прописанными по всей строгости полицейских правил.

Бронзовые Фауст с Мефистофелем встречают посетителей Ауэрбахова погребка в центре Лейпцига, у старой ратуши, кельнер, несколько раз предупредив: «Vorsicht, Stufen» («Осторожно, ступени»), проводит вас в «кухню ведьмы» в самой глубине абсолютно современного ресторана.

Остановитесь перед книжной витриной в Берлине, в Варшаве, в Праге. «Цветет в доломитах...» О чем это? Радуга красок на обложке, меловая бумага, цветные фото такой изощренной техники, что они напоминают живопись. Книга только что вышла. Это — о доломитовых горах, о прелести их дикой флоры. И вовсе не для ботаника, — нет это для тебя и для него — для любого гражданина народной республики! Прекрасна твоя страна, знай и люби ее — никому не давай посягнуть на нее.

Сотни книг о городах, старинных и новых, о каждой реке, о природе.

А мы — почему же мы так скупо и скудно делаем это важное дело у себя, в величайшей стране мира? Отчего почти стыдимся его? Уж не побаиваемся ли в самом деле сердитого вопроса: о чем книга? О доломитах? О самих по себе? То есть — ни о чем? Как — и не ученая, не для специалистов?

Чеховские мальчики собирались бежать в Америку.

Разве не Купер, не капитан Майн-Рид и не Джек Лондон облекли Флориду и Калифорнию, Аляску и Техас в пестрый романтический наряд, заставили предстать ареной небывалых подвигов, поведав миру о пионерах и следопытах, Кожаном Чулке и Монтигомо Ястребином когте, о ковбоях, трапперах и золотоискателях?

А ведь Каатскильские горы Вашингтона Ирвинга на реке Гудзон — вовсе не Тянь-Шань, не Памир или Ала-Тау и, подозреваю даже, далеко не Яблоновый хребет, не замечательные столбы у Енисея...

Пусть прогневаются воспитатели праведным педагогическим гневом, — признаюсь, что меня не огорчило бы, если бы я прочитал: такой-то мальчик, увлеченный повестью писателя имярек, пытался бежать на целину, туда, где кругом Кустаная расстилается необъятный и никогда прежде не виданный на земле океан пшеницы.

Мы вырастаем с сознанием, что существуют два неповторимых места в нашей средней полосе. Не так, как везде, а ни с чем не сравнимо «машут» там березы, и травами укрыты овраги-«верхи» кругом рощ-«островов», стелется гладь озера, восходит «туманная» луна и ждут у поворота сосны; лето и осень, вёдро и ненастье равно там прекрасны. Каждому наверняка известно множество мест, ни в чем не уступающих тем двум. Но Ясная Поляна и Михайловское показаны нам Толстым и Пушкиным!

Как случилось, что до сих пор не создана **поэтическая география** нашей Родины?

...Между тем в беседе, начавшейся у окна в коридоре, горячо уже участвовало и наше купе. Тема беседы изменилась, расширилась.

— По цепочке частенько друг за дружкой ходим, за плечи предшественника предпочитаем держаться. Так? Правильно отмечаю вашу главную мысль? У техников, слышали, термин: коэффициент полезного действия, КПД. А что такое КПД? Паровоз нас ведет... красавец, а? Поглядите в галереях картины художников прошлого века. «Чугунка» с самоварами на колесах! Наш паровоз далеко ушел, нечего и сравнивать. И все же десять лопат угля в топку кинем, а повезет он нас на сколько лопат? Едва на одну из десяти. Прочие в трубу. Вот он — КПД.

— Паровоз свое человечеству отслужил, — сказал пожилой инженер. — Ближайшая задача — переключить тягу на тепловозы и электровозы. Это уже совершающаяся революция. И не в одном железнодорожном транспорте. В привычном, с молоком матери всосанном облике земли — скажу так. Сто лет паровоз приучал к себе землю. А нашим детям он покажется динозавром.

— Правильно, борьба за КПД! — одобрил рассказчик. — Но... Есть еще область такой борьбы, важнейшая, полагаю, хоть техника тут вовсе ни при чем. Хотя... Слышали, конечно: электронно-счетная машина в Академии наук может отщелкать за день или, допустим, за неделю то, над чем сотне математиков год сидеть. Я, как прочел, подумал: должно быть, величайшее из чудес! Создан электронный мозг в помощь человеческому. Только по-настоящему мы даже еще не додумали, что взять с него, какой спросить службы. И гуляет он пока процентов на восемьдесят вхолостую. Потому что и фантастическая литература ничуть не приготовила к тому, что появится такой помощник. Не сумела предвидеть... Так вот, я мечтаю: пусть когда-нибудь академия засядет, сформулирует или, как там, программирует, — да и задаст электронным своим шкафам задачу, а вся эта кибернетика отщелкает ответ: как двинулись бы мы в тысяче дел, если бы не вязли в «проторенных колеях», не платили бы, так сказать, повседневной дани свычному «как прежде, так и мы», а решали бы любое дело в полную меру затрачиваемой своей силы и своего, замечу, соображения.

Художница в последний раз прицелилась в альбом и захлопнула его почти со звуком хлопушки. Алла что-то проговорила пожилому инженеру — известному экономисту, крупному знатоку промышленности.

— Непонятно? — обвел нас всех глазами разговорчивый спутник. — Я говорю именно и только **о своей силе** каждого, — пояснил он предыдущие слова. — Не какой-нибудь там сверхчеловеческой. Самой обычной, которая есть у меня, у вас, КПД, стало быть, человеческих усилий. Не думаем, не гадаем про это, пока, к примеру, не заколосятся на весь мир целинные земли и слепой не увидит: вон оно, что́ значит, когда скинешь долой эту гирю, эту заповедь **укатанной дорожки** — вдоль по ней гляди, а в сторону — ни-ни! И ведь четыре десятка лет делаем, чего нигде не было, на том общество наше стоит, а в трудовом обиходе, на производстве, в быту сколько еще пут надо рвать! И инженеру на своем участке. Архитектору... Как строили, какие рулады-колоннады разводили, не здания, а торт шоколадный! «Так положено»..

Довольно миловидная девица, ловко лавируя подносом между стоящими в тесном коридоре, прошла в это время с кусками торта, бутербродами и бутылками. Солидный мужчина следом за нею приглашал всех обедать в ресторан, основываясь на истине, что аппетит приходит во время еды. Разговорчивый спутник проводил их взглядом:

— Деятели общественного питания... Им бы и вовсе многое надо перворошить у себя. Край проезжаем благословенный, от овощей, ягод все кругом ломится, витамины, караси еще живые в сметану просятся, по слову Чехова... А переступи порог столовой — этакая кислятина разит, академик Зелинский покойный сам не понял бы, в чем химия этой синтетики. На тарелках рыба, которой вживе не видывал никто, с моря-окияна везли — трудились, засолена горько и заморожена еще в ледниковом периоде. Почему? Отчего? «На базе другого нету». И ведь произносит это, точно откровение с горы Синайской—шапку скинь и поклонись... А Терентия Мальцева нечто покрепче того за руки держало, тысячелетне проверенное: не вспашешь — не пожнешь. Да вот высвободил руки...

Он задумался, пощипал рыжевато-седые коротко подстриженные усы под носом, потом сказал:

— А к кому это в первую голову относится, так, скажу, к творцам. Искусство возьмите, художников, литераторов. Именно этому учит партия, понять пора! А глянешь на иную картину, раскроешь книгу: видел, слышал! Не такое, так сходное! Спрашиваю себя: что прибавится к тому, что уже знаю? И решаю: лучше уж я время поберегу, пройду мимо.

В общем выяснилось, что о некоторых весьма почтенных произведениях наш спутник держится не слишком почтительных мнений.

Я не раз, впрочем, встречался с такими отклонениями устных читательских рецензий от печатных... Он припомнил даже, к случаю, совет Энгельса — когда нечего сказать своего, то лучше помолчать. Разговор грозил уйти в литературные дебри. Опыт показал, что если начало подобных разговоров и можно установить, то конца они обычно лишены. Один из едущих с нами литераторов, признав высказанные суждения любопытными, хотя и спорными, все же предположил, что многие важные литературные явления остались вне поля зрения собеседника. «Я и сам это понимаю, неожиданно миролюбиво согласился тот,—свободного времени в жизни моей было мало, и в столице я почти не жил». Он сказал еще о «жаре души» поэта, художника, и литератор поморщился, но быстро изменил выражение на очень одобрительное.

— Да, мало живал в столице, — повторил наш спутник. — Кстати, — резко свернул он на прежнюю тему, — папенькины сынки, кончающие институты, а за Москву цепляющиеся, — вот она, власть «колеи». Да еще, прошу прощения, унавоженной трусостью и себялюбием. Окарикатуренной — до полной красы, до рабской психологии! Молодой человек, я так считаю, и вообще права не имеет всю жизнь проволочить, где родился, опасаясь, как бы папашин рукав не потерять. Мне бы — в самое тяжкое наказание такое! И вырастают дитятки лет до тридцати... желторотые старички. Когда и жить-то ему останется — все готовится... Не понимаю, как можно так окорнать себя, отнять у себя самое насущное, суть жизни, без которой себя запрезираешь! Всего лишить, чем живет страна, словно ты узник на иной планете... Такие человеческие потери сочтем мы или не сочтем, а? Да вот, позвольте, я один пример приведу. Когда я работал прокурором в Белой Церкви...

Жизнь, которую прожил этот человек, интересна и многообразна. Солдат, пришедший с фронта, он был в числе тех, кто устанавливал Советскую власть в ноябре 1917 года в небольшом среднерусском «черноземном» городке. В восемнадцатом, одетый в ту же солдатскую шинель, он попал в Москву делегатом и там видел и слышал Ленина. В Ельце, в Совете, разбирал жалобы трудящихся. Учился на рабфаке, получил назначение в Донбасс, оттуда переброшен на Киевщину; во время коллективизации объехал почти всю Украину. Был на советской и на партийной работе. Кончил в Москве Институт красной профессуры, но, отдиректорствовав год или два в комвузе, на академической «линии» не остался — тянула «глубинка». Видел и помнит неисчерпаемо много, село и город знакомы ему не «пейзажно», не по-туристски; туристом вообще едет впервые. Он из тех, кто ищет, любит и умеет собирать в своей памяти «человеческие случаи», — кажется, писательская закваска, но как раз большинство подобных людей, из тех, кого я встречал, не написало никогда ни одной беллетристической строки и явно не ощущало в том потребности; наоборот, я знаю писателей, притом неплохих, почти нацело лишенных способности запоминать, что́ «случается», и, вернувшись из какой-нибудь поездки, безмолвствующих за дружеской беседой мертвее всех...

А за окнами пролетали полустанки, медлили узловые станции, тянулись села и поселки, вырастающие в города, мелькали элеваторы, шоссе, по которым, газуя между телеграфными столбами, спешили «победы» и пятитонки, ветвились железнодорожные пути, наотмашь рассекая кругозор, к дымящим трубам далекого завода под куполом просторного и чистого неба с нависшей в выси белой мухой самолета... Знакомый и милый пейзаж, давно уже ставший для нас лицом Родины!

В. САФОНОВ

О СВЕТЛОМ ВРЕМЕНИ

Вера ПОТАПОВА

Имя азербайджанского поэта Мамеда Рагима для советского читателя неразрывно связано с развитием нашей обильной талантами многонациональной поэзии. Его дарование широко и разнообразно. Но в разных произведениях — и в таком развернутом эпическом полотне, как поэма «Над Ленинградом», и в сжатых афористичных четверостишиях (рубайятах) — Мамеду Рагиму присуще нечто общее: особая чистота, задушевная эмоциональность, то, из чего состоит самый воздух поэзии.

М. Рагим, творчески осваивая великолепное классическое наследие своего народа, в то же время одним из первых среди поэтов Советского Азербайджана (и в этом его новаторство) решительно порывает с обветшалыми каноническими формами и отжившими художественными приемами. В прологе к поэме «Над Ленинградом» и в ряде стихотворений он заявляет протест против риторических украшательств, против старомодных представлений о предмете поэзии.

Поэзия влекла за облака,
На горные вершины, и считалось,
Она, мол, бестелесна, высока,
Все чуждо ей — заботы и усталость,
Здоровье и недуг, обычный быт
И грубый труд — вся проза жизни, словом,
Мир «пошлых» будней ею позабыт...
Перевод А. Адалис

Реалистическое начало преобладает в творчестве Мамеда Рагима и является его сильной стороной.

На русскую поэзию взгляни!
Учись ее правдивости прекрасной,

— говорит М. Рагим.

Прекрасная правдивость неотделима от другой особенности русской поэзии, как и всякой настоящей поэзии, — от любви к людям, человечности. «О светлом времени, любя людей, пишу» — об искренности этого признания свидетельствуют многие удачи поэта. В его сравнительно небольшой книге «Стихотворения» («Советский писатель», Москва, 1956 год) мы встречаемся с гидромониторщиком, срывающим гору, чтобы заставить строптивую Куру служить человеку, и с «чудесной москвичкой» — русской девушкой-геологом, отдавшей Мингечауру свой труд, с сельским учителем и с каменщиком, влюбленным в свое дело, с зоотехником — азербайджанкой Наргиз, и с грузинской рыбачкой Тамарой. Лирический герой книги — наш современник, человек щедрого сердца, вдумчивый, горячий, жизнелюбивый.

Книга М. Рагима «Стихотворения» разбита на три раздела. Деление это кажется мне несколько произвольным, ибо многие стихи, помещенные в разделе, озаглавленном «О красоте», можно было бы включить в раздел «На земле Отчизны», и наоборот.

Мастером сюжетного стиха предстает перед нами М. Рагим в ряде законченных поэтических новелл, проникнутых ненавистью трудящегося человека к колониализму и его носителям. По-настоящему волнует рассказ о тебризском продавце айрана, который выплеснул свой товар (кислое, холодное молоко) в песок, отказываясь услужить пьяному, разомлевшему от вина и жары «заокеанскому офицеру».

Большой художественной силы стихотворение «Камень». Камень поднят в пустыне погонщиком верблюдов, чтобы уравновесить сползающий тюк. Он увезен далеко и брошен за ненадобностью где-то у въезда в город.

А камень бел, круглы бока,
И камня мука глубока:
Он пролежал в песке века,
Он жить не может без песка!

...Он грезит, что его опять
Поднимет кто-нибудь
И будет вновь за пядью пядь
Обратный пройден путь.

Он весь рассыпаться готов,
Готов себя он сжечь,
Чтоб хоть песком среди песков
В гнездо родное лечь...

Я даже камню бы помог,
Коль он от родины далек.
О счастье — после всех дорог
Переступить родной порог!
Перевод А. Плавника

Любовь к Родине, стремление к миру, чувство родства и дружбы, свойственные советским людям, — все это объединяет наиболее значительные лирические произведения М. Рагима. К ним нужно отнести и мингечаурские стихи. Вот стихотворение «Цветы». Поэт привозит в подарок любимой охапку полевых цветов,

Ибо с детства знал, что здесь пустыня,
Где ни злаков, ни травы, ни лоз.

Но ему открывается чудо:

Вся мингечаурская долина
В россыпи благоуханных роз.
Перевод А. Плавника

Три стихотворения, посвященные освоению целинных земель, к сожалению, лишены конкретности и жизненности, присущей мингечаурскому циклу, и страдают несвойственной автору умозрительностью. Таково, например, стихотворение «За сутки, за час...», тематически перекликающееся с мингечаурскими «Цветами». Думается, что мы вправе требовать от талантливого мастера более углубленного проникновения в души тех людей, которые были подняты на большое патриотическое дело.

Раздел «О красоте» включает лирику, преимущественно любовную, но рубаи, открывающие раздел, значительно расширяют его. Мамед Рагим отлично использует эту традиционную форму, при всей лаконичности очень емкую. В книге помещены четверостишия о партии, народе, о любви и верности, о творческом труде. Выступая против тех, кто слишком узко понимает задачи нашей литературы, М. Рагим пишет:

Тихой песни кто не знал, тот и громкой не поймет,
В малом кто красы не знал, и в великом не найдет,
Кто вовеки слез не лил, кровью кто не исходил,
Кто любовью не пылал, не знавал и счастья тот!
Перевод Э. Левонтина

Однако не все рубайи М. Рагима равноценны. Некоторые из них охлаждены риторикой, идущей вразрез с творческими взглядами автора. Например: «время нам подносит радости щербет» или: «советский человек ныне розы счастья миру в дар принес». К слову сказать, такого рода неопределенная риторика есть и в стихотворении «Будет мир на земле!», открывающем книгу. Не лучше ли было бы открыть ее поэтичной и жизнеутверждающей «Песней утра», мастерски переведенной А. Адалис?

В разделе «О красоте» много хороших лирических стихов. Одни подкупают силой чувства, подлинным, ненаигранным темпераментом, другие — новизной мысли. Стихотворение, которое я привожу почти полностью, содержит ответ на просьбу, означающую разрыв: «Верни мне письма, карточку верни!»

Куски бумаги требуя обратно,
Ты не сказала ничего о том,
Как поступить мне с тем, что невозвратно, —
С годами, проведенными вдвоем.

Верну тебе и карточки и письма...
Но станет ли от этого ясней
Вопрос, в котором не разобрались мы, —
Как быть с любовью? Что мне делать с ней?
Перевод М. Львова

Мамед Рагим отнюдь не страдает боязнью романтики, приземленностью, порой встречающейся в нашей поэзии. Романтической приподнятости его произведений большей частью сопутствуют конкретность и реализм. Эта особенность творчества М. Рагима отчетливо проступает в его поэме «Саят-Нова», с которой не так давно познакомил русского читателя журнал «Литературный Азербайджан». М. Рагим, умело используя исторические факты и сочетая их с художественным вымыслом, создает красочную реалистическую повесть из жизни великого поэта-ашуга, творившего на армянском, грузинском и азербайджанском языках, — поэта, чье наследие вошло в сокровищницу классической литературы трех народов Закавказья.

Это значительное, очень своеобразное произведение. И, конечно, досадно, что А. Плавник, у которого немало переводческих удач в книге стихов М. Рагима, перевел поэму «Саят-Нова» ниже своих возможностей.

Талантливому поэту Мамеду Рагиму исполнилось пятьдесят лет. Пожелаем ему новых больших успехов. И хочется надеяться, что наши издательства выпустят однотомник, который даст полное представление о тридцатилетнем творческом пути взыскательного мастера азербайджанской советской поэзии.

Живая сила сказки

Имя Мусы Джалиля дорого советскому человеку. Солдат и поэт, преданный до последнего дыхания своей Родине и своему призванию, человек, создававший незабываемо прекрасные стихи о любви к Отчизне за несколько часов до мученической смерти в фашистском застенке, он навсегда останется примером высокой гражданственности. И если до сих пор мы знали лишь бессмертные строфы Джалиля, то в вечер открытия декады татарского искусства и литературы дарование поэта повернулось к нам еще одной, быть может, очень скромной, но для нас — людей оперного театра — необыкновенно драгоценной гранью: мы узнали Джалиля-либреттиста, большого писателя, который без ложного высокомерия и со знанием дела отдавал свой талант благородной задаче создания истинно поэтического оперного либретто.

Построенное на легендах национального фольклора, оно, как мне кажется, является отличной литературной первоосновой для создания оперного спектакля. В либретто оперы Н. Жиганова «Алтынчеч» («Золотоволосая») М. Джалиль органически сочетал фантастику сказки с ее беспредельной верой в добрые силы, побеждающие могучих коварных врагов, и реализм рассказа об извечной тяге народа к свободе, его мужестве в борьбе с поработителями родной земли. В опере «действуют» белоснежные крылатые кони и сереброкрылые лебеди, волшебные фосфоресцирующие мечи и щиты, здесь мгновенно расцветают деревья в тот миг, когда добрый витязь Джик повергает в прах злого хана... Но в опере действуют и живые, реальные люди, вроде матушки Тугзак, которая благословляет народ на борьбу с ханскими полчищами. И женщины, прощающиеся со своими близкими, преодолев горечь расставанья, подхватывают призыв своей старшей подруги:

...Лучше вдовою героя быть,
Чем женою труса прослыть!

Этот женский хор, как, впрочем, и другие хоровые эпизоды оперы, составляют ее истинное украшение. Национальная окраска музыки всей оперы в ее хорах особенно ярка и привлекательна.

Впрочем, арии, дуэты и трио не менее своеобразны по своей мелодике, ритмическому рисунку и ясности построения, чем массовые сцены «Алтынчеч». Произведение выдающегося национального композитора Н. Жиганова, построенное на лучших традициях русской и западноевропейской классики, проникнуто духом татарского мелоса, и это сочетание дает весьма плодотворные результаты. Невзирая на то, что некоторые страницы партитуры излишне традиционны, музыка полна бесхитростной поэзии национального фольклора, и в этом — ее сила. Автор оперы никогда не прибегает к прямому цитированию бытовых народных мелодий. Но именно поэзия, вдохновение народа — душа драматургии и музыки «Алтынчеч» — делают эту оперу такой интересной для москвичей.

Мы с большим удовольствием познакомились с вокальной культурой гостей столицы, по достоинству оценив светлое и чистое сопрано исполнительницы заглавной партии Р. Биляловой, сильное меццо-сопрано М. Булатовой, которая выступила в партии Тугзак, звучный баритон Б. Аполлонова (хан) и отличный оперный тенор Ф. Насретдинова (Джик). Радует, что вокальная культура казанского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, так же как и мастерство артистов его оркестра, превосходно руководимого дирижером Д. Садрижигановым, находится на уровне, который позволяет говорить о большом творческом будущем талантливого коллектива.

Залог его новых успехов в том, что за восемнадцать лет, минувших со дня создания оперного театра, то есть за срок, более чем короткий для появления собственного репертуара и собственной школы оперного пения, эти качества обретены и упрочены всем ходом работ лучшей татарской музыкальной труппы.

Достаточно сказать, что на декаду привезены три национальные оперы (помимо «Алтынчеч» показывается «Самат» Х. Валиуллина и «Джалиль» Н. Жиганова), причем и «Самат» и «Джалиль» — произведения, посвященные современности. Столичному зрителю показан также национальный балет Ф. Яруллина «Шурале».

Афишу казанского театра неизменно украшают и творения великих композиторов прошлого. Показ в Москве «Евгения Онегина» Чайковского не менее убедительно говорит о том, как многого достиг татарский театр и какие отрадные перспективы открываются перед ним сейчас.

Евгений БЕЛОВ,
солист Большого театра СССР

Поэт красоты и свободы

◆

А. ФАИЗИ

◆

«Я ведь не чистый, вылитый поэт... Я к тому же дипломат, политик, общественный деятель», — так писал Габдулла Тукай в одном из своих писем.

Это было сказано без всякой рисовки, искренне и не случайно. Многим татарским деятелям культуры в начале нашего века приходилось быть исключительно разносторонними, работать не только за двоих, но и за троих, за пятерых. Таким был и Галимджан Ибрагимов: он и писатель, и историк, и филолог, и литературовед... Но писательство все же осталось основным призванием Г. Ибрагимова, и его не постигла участь многих универсалов, которым суждено было сойти на нет только из-за того, что они слишком за многое брались.

Г. Ибрагимов — современник основоположников новой татарской литературы Тукая и Амирхана, и в этом смысле личность его является для нас исторической. Но он и наш современник. Когда он писал «Глубокие корни» и готовил к печати вторую редакцию романа «Наши дни», наше нынешнее поколение писателей уже активно работало в литературе. Такое счастливое творческое долголетие позволяет нам рассматривать его писательскую биографию как живую летопись развития нашей литературы с 1905 по тридцатые годы.

Подъем и спад первой русской революции, новый подъем рабочего движения, Февральская революция, Великий Октябрь, годы восстановления, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства — все эти события громадной исторической важности Г. Ибрагимов пережил, осмыслил и как человек, и как художник. Он прошел сложный путь становления. В борьбе со старым писатель брался иногда не за то оружие, пережил увлечение мелкобуржуазным романтизмом, его творчества коснулся даже эстетский, декадентский дух. Но большой талант, общественное чутье помогли ему быстро ориентироваться в происходящем, на ходу исправлять ошибки и стремительно идти к великой правде искусства — реализму. Поэтому, сравнивая то, что написано было им в начале творческого пути, с произведениями, созданными в последние годы его жизни, мы увидим огромный скачок от дидактического и натуралистического бытописательства до освоения метода социалистического реализма.

Значение художественного наследия Г. Ибрагимова огромно. По его произведениям — искренним, правдивым — новые поколения будут изучать одну из величественных в своей социальной насыщенности страниц истории татарского народа. Произведения эти написаны не холодным созерцателем, а пламенным борцом, горячим участником описываемых событий. Читатель почувствует в них незримые слезы печальника народа и увидит улыбку радости большого человека, верящего в счастливое будущее. Творчество Ибрагимова — прекрасная школа для нас, литераторов нового поколения. Как всякий выдающийся художник слова, Ибрагимов глубоко национален в изображении жизни, быта, чувств своего народа. И в то же время типы, характеры героев в его произведениях общечеловечески интересны, понятны, близки читателю любой национальности. Отсюда популярность, влияние творчества Г. Ибрагимова в других литературах, в особенности в литературах тюркских народов.

Вступление Г. Ибрагимова в литературу совпало с периодом ожесточенных битв татарской молодежи с феодальными устоями жизни. Молодой Галимджан находился в авангарде этого движения. Свое участие в борьбе он запечатлел в автобиографической повести «Изгнание Заки шакирда из медресе» — произведении, сыгравшем немаловажную роль в пробуждении сознания учащихся старых религиозных школ. Но повесть воздействовала на умы не силой художественного обобщения; это был, по существу, лишь дидактический призыв восстать против старого духовного образования, за европеизацию школьной программы. В то время каждое вольное слово, пусть не облеченное в действительно художественную форму, но призывающее к ниспровержению старых порядков, тотчас находило отзвук в сердцах молодежи и организовывало ее на борьбу. По мере развития и углубления борьбы литература, разумеется, совершенствовала свою форму, и дидактика уже мало кого удовлетворяла. Во втором своем произведении — «Судьбе татарки» Г. Ибрагимов во многом преодолел дидактизм и овладел реалистическим письмом. В этой книге еще немало страниц натуралистического бытописательства, но уже ощущается, уже воинствует живое слово писателя-реалиста, писателя своей манеры, своего стиля.

В «Судьбе татарки» Г. Ибрагимов затронул едва ли не самую острую тему того времени — тему освобождения женщины из-под ига убийственного феодального гнета. Новое время возлагало на женщину новые задачи воспитания достойного поколения. Но разве сумеет она выполнить эту свою историческую миссию, оставаясь рабыней раба? И роман «Судьба татарки» был протестом против старых семейных устоев, закабалявших женщину.

В первой редакции романа (1909 год) автор определяет несколько необычный путь борьбы женщины за ее достоинство и права. Гюльбану, героиня романа, уходит от семьи в город, переодевается в мужское платье, чтобы иметь возможность получить работу. Да, она обрела теперь личную свободу, но надолго ли эта жизнь-маскарад? А что будет дальше? Автор не дает ответа, да его, по существу, и не могло быть. Через 20 лет (1929 год) Г. Ибрагимов вновь возвращается к этому произведению и перерабатывает его. Как решает он теперь судьбу своей героини? Находит ли она, наконец, выход из своего положения? Нет. Затравленная нестерпимыми условиями феодально-собственнической жизни, религией и патриархальной моралью, Гюльбану кончает жизнь самоубийством. Не слишком ли безнадежен и жесток вывод писателя?

На первый взгляд, да. Тем более, что Гюльбану выведена не безвольной, бессловесной рабой мужа, свекрови, родителей. Она два раза уходит от мужа. У нее хватает смелости пойти к мулле и заявить, что дальше так жить невозможно. Не выдержав, дает она отповедь бесчеловечной свекрови. Но в том-то и дело, что в условиях тогдашней действительности все это — напрасные потуги обреченной личности. Рассвирепевший муж вновь водворяет «непокорную» жену в дом. Родители не могут перечить ему — право мужа гарантировано законом и шариатом. Да и отец Гюльбану не хочет взять ее к себе. «Все ушло на нее, на подарки, — мотивирует он свой отказ. — А теперь все оставить этим нищим форсунам! Да разве это шутки? Ну, представь себе, оставим, а если муж и тогда не даст развода? Я беседовал с хазретом: он говорит: если муж не разведет, то и бог не разведет, и мулла развести не может». А мулла увещевает Гюльбану: «Куда муж ударит, то место в аду гореть не будет. Терпи, сноха». Все средства испробованы, спасения нет, круг замыкается. Куда деться Гюльбану, что остается ей, кроме самоубийства?

Вспомним, как пишет Добролюбов о смерти Катерины в «Грозе»: «Но и без... возвышенных соображений, просто по человечеству, нам отрадно видеть избавление Катерины — хоть через смерть, коли нельзя иначе... Жить в «темном царстве» хуже смерти».

Смерть Гюльбану — вызов миру насилья, отчаянный, страстный протест против него. Гюльбану олицетворяет то чистое, цельное, что есть в человеке, и эта чистота оказывается ни к чему в собственническом мире. В этом и заключены большая мысль, социальный смысл романа.

Не смертью, а победой героини разрешается финал другого произведения Г. Ибрагимова — романа о жизни казахов «Дочь степи». Перед дочерью главы рода сарманов Карлыгач-Слу выбор: она поступит по зову сердца и соединит свою судьбу с возлюбленным Арсланбаем из рода Танабуга, и тогда помолвленный с нею по воле аксакалов Калтай из рода Кара-Айгыр поднимет свое кочевье на сарманов, или она откажется от любви и, исполняя родовой обычай, станет женой Калтая, купит тем самым для своего рода покой и тишину. Как быть? Карлыгач-Слу выбирает Арсланбая. Любовь торжествует победу. Счастливый конец? Нет, не дешево и не легко достается девушке эта победа. Ведь она идет наперекор воле родителей, нарушает интересы рода, с которым кровно связана.

Любовно-романтическая линия романа органически связана с другой — сурово-реалистической линией показа родовой вражды, которая долгие времена разъедала кочевой народ. Борьба родов особенно обострялась во время выборов «иль-агасы» — главы-управителя казахов. Интриги, подкупы, на которые враждующие стороны не жалели ни денег, ни подарков, достигали высшего предела. Однако в конечном счете исход выборов зависел от царских чиновников, а они тоже любили богатые подношения. Родам среднего достатка, в первую очередь их трудящемуся большинству, и приходилось выносить на своих плечах всю тяжесть предвыборных поборов, все скверные последствия борьбы баев за власть.

Очень существенным представляется в романе образ батрака Джолконбая. Он эпизодичен, но не схематичен. У него свои собственные противоречия. Его трагедия в том, что он со своей судьбой одинок в степи, нет человека, который подсказал бы ему, как поступить с хозяевами-угнетателями. Сам Джолконбай находит наивный способ борьбы. Он хочет раскрыть секреты своего хозяина главе враждебного рода.

Медленно, очень медленно «умнеет» Джолконбай, но в конце романа мы встречаем его как беглого, скрывающегося от преследования полиции «политического преступника».

Хозяевами своей судьбы, вершителями больших государственных дел мы видим бывших батраков и бедняков в романе «Глубокие корни». Это уже не эпизодические, не второстепенные, а центральные, ведущие образы. Прежние хозяева и их работники поменялись ролями. Но классовый спор не кончен, борьба идет ожесточенная. Враг притаился; он теперь убивает не сам, старается действовать руками классово не подкованных, бесхарактерных людей, честолюбцев, карьеристов, разложившихся, интригами и подкупами вербуя их на свою сторону.

Момент такой сложной и жестокой борьбы удачно схвачен Г. Ибрагимовым в «Глубоких корнях». Сосредоточив сюжет на одном факте — убийстве деревенского коммуниста и судебном раскрытии этого преступления, писатель создает картину большого социального накала.

Роман начинается лаконичной фразой: «Фахри убили». Завершается он сообщением о приведении в исполнение смертного приговора над Хасановым, убийцей Фахри. Композиция романа подчинена логической связи между этими двумя фактами — преступлением и возмездием. При таком построении можно было опасаться, что детектив захлестнет социальную сущность событий. Художественный такт писателя преодолел эту опасность: Г. Ибрагимов поднимается над фактами, и нас, читателей, уже не столь интересует приговор суда, как приговор художника. Перед нами не частное обвинение бывшего капиталиста Хасанова, не его личное поражение, а неизбежность конца целого класса, историческая обреченность его.

Успеху романов Ибрагимова способствуют умение строить сюжет, непринужденность манеры, яркий, богатый язык. Писатель прекрасно владел даром рассказчика из народа. Это не значит, конечно, что язык его произведений одностилен. Народность его в том и заключается, что каждый из героев говорит по-своему. Меняет свою интонацию, когда это нужно, и сам автор. Например, «Дочь степи» с начала до конца написана в стиле казахского певучего народного говора, тем самым роману придан аромат степного края и народа.

Выход в свет романа «Глубокие корни» в свое время был событием в татарской литературе и, я бы сказал, открыл в ней новую страницу своим смелым вторжением в жизнь. Роман поднимал новый, доселе невиданный в татарской литературе материал и новаторски раскрывал его.

Тематическое и идейное сочетание трех произведений в одном сборнике нужно считать удачным. Но почему это «Избранное»? Ведь у Ибрагимова есть не менее значительные произведения, например, роман «Наши дни» во второй его редакции — большое полотно об участии татар в первой русской революции. А прекрасная «Повесть о красных цветах», а поэтически великолепные рассказы «Дети природы», «Старый батрак» и другие?!

Мы, конечно, не смогли в короткой статье коснуться всех этих произведений. Мы хотели лишь подчеркнуть самое главное в творчестве Г. Ибрагимова — его горячую любовь к жизни, его страстное желание сделать людей счастливыми. Он воспевал красоту жизни и дрался за нее. Его произведения мы, новое поколение, читаем как летопись жизни большого народа, обретшего свои права в ожесточенной классовой борьбе против своих эксплуататоров. «Поэтом красоты и свободы» назвала русская критика Ибрагимова при его жизни. Это действительно так, и таким останется он в наших сердцах.

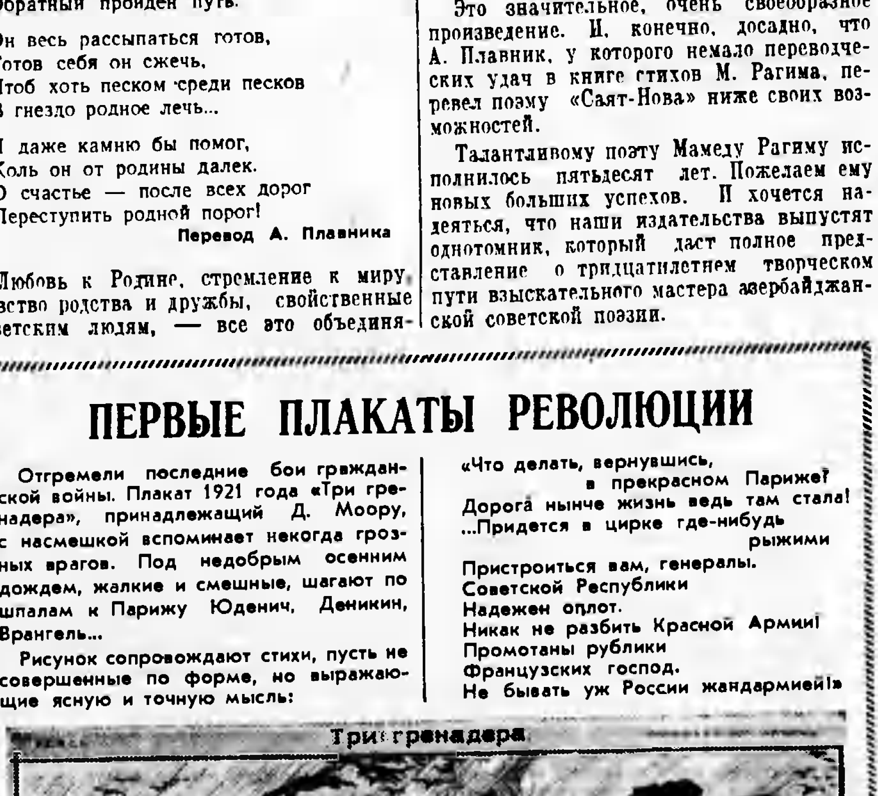
Г. Ибрагимов. «Избранное». Таткнигоиздат. Казань. 1957 г. 455 стр.

ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Отгремели последние бои гражданской войны. Плакат 1921 года «Три гренадера», принадлежащий Д. Моору, с насмешкой вспоминает некогда грозных врагов. Под недобрым осенним дождем, жалкие и смешные, шагают по шпалам к Парижу Юденич, Деникин, Врангель...

Рисунок сопровождают стихи, пусть не совершенные по форме, но выражающие ясную и точную мысль:

«Что делать, вернувшись,
в прекрасном Париже?
Дорога ныне жизнь ведь там стала!
...Придется в цирке где-нибудь
рыжими
Пристроиться вам, генералы.
Советской Республики
Надежен оплот.
Никак не разбить Красной Армии!
Промотаны рублики
Французских господ.
Не бывать уж России жандармией!»



Напечатав в этом номере репродукции некоторых плакатов первых лет революции, редакция «Литературной газеты» намерена продолжить публикацию наиболее интересных образцов. Мы были бы благодарны тем товарищам и организациям, которые пожелали бы сообщить нам о новых находках малоизвестных и неизвестных плакатов первых месяцев Великого Октября, а также периода гражданской войны.

Правдиво, самобытно...

ВОТ уже многие годы выступают на столичных подмостках посланцы советских республик. Очень разные видели мы за это время спектакли. Разные по темам, жанрам и стилям, по степени мастерства исполнителей и профессиональному умению режиссуры, по талантливости и впечатляющей силе. Но неизгладимый след оставили лишь те из них, которые позволили почувствовать душу народа, лучше понять его характер, его национальные особенности. Может быть, именно этим прежде всего и объясняется горячее одобрение, которым москвичи встретили «Голубую шаль» — первую постановку, показанную Татарским академическим театром имени Г. Камала.

Крупнейший татарский драматург, превосходно знающий жизнь своего народа, К. Тинчурин создал подлинную социальную драму. Бесхитростная история любви бедняков Майсары и Булата, рассказ о трудностях, возникших на их пути, о неумирающей тяге к счастью и борьбе за него переданы писателем просто и проникновенно. Люди труда показаны им с любовью и теплым юмором, а в обрисовке богатеев чувствуется извечная народная насмешка над тунеядцами и обманщиками.

Спектакль, поставленный режиссером Ш. Сарымсаковым, в лучших своих моментах верен авторской манере. Бытовые детали, обряды и обычаи, нигде они не выпирают, не становятся самоцелью. Есть здесь и цветистые шали, и вышитые полотенца, но это не стилизация, не экзотика. Бесспорная заслуга режиссера прежде всего в том, что спектакль он развертывает как галерею образов, обрисованных иногда лаконично, иногда подробно, но почти всегда живых, полнокровных и — очень народных.

Своеобразный поэт своего ремесла конокрад Миннигали с его упоением темной ночью и дикой скачкой, с его хмельным азартом игрока в великолепном исполнении артиста Ф. Халитова; старчески умудренный правдолюбец Шайхи (артист А. Зиятдинов); стихийный бунтарь против помещиков Мишка (артист Камал III); страшный в своем неукротимом властолюбии фальшивомонетчик Тимуш (артист Х. Салимжанов); забитая, слепо религиозная старуха (артистка Г. Болгарская); боевая Захира, с ее предприимчивым характером и острыми словечками (артистка М. Минибаева); злобный самодур Зиганша (артист Н. Гайнуллин) — эти лучшие актерские работы спектакля хороши и своей истинно человеческой многокрасочностью, и тем, как прозрачно «просматривается» через них облик народа, опутанного суевериями, но рвущегося к свету. Актеры играют с удивительной непосредственностью, и созданные ими характеры воспринимаются как цельные типы дореволюционной деревни.

В художественном образе спектакля верность быту причудливо сплетается со стремлением к живописности. Щедрая красочность — и в очевидном пристрастии режиссера к импозантной мизансцене (занавеска, над которой работают девушки, эффектно драпирует их); и в том приеме контраста, к которому широко прибегает режиссер (после привольных песен и танцев молодежи чем-то затхлым, окостеневшим веет от сцены стариков, пришедших со своими дарами к ишану); и в оформлении (багровый отсвет костра подчеркивает тьму чащобы); и в детальной разработке многих массовых сцен.

Еще одно своеобразие постановки — в пронизывающей ее музыкальной стихии. Дело здесь не только в том, что музыка известного татарского композитора С. Сайдашева искренна и мелодична (превосходны мужественный хор беглецов, песня «Алый платок, голубая шаль» и некоторые другие), но прежде всего в том, что она не рвет сюжетную ткань пьесы, не приостанавливает действия, а продолжает, развивает его. Музыка так плотно сливается с ходом драматического изложения, что «швы» зачастую незаметны, неуловимы.

Театральное искусство татарского народа жизнерадостно, темпераментно. Но если судить о спектакле по большому счету (а только такого подхода и достойны истинные художники), без скидок на гостеприимство, то нужно говорить и о недостатках: они в спектакле есть, промолчать о них нельзя.

Здесь можно сказать о том, например, что в некоторых местах чувство меры изменяет режиссеру и действие, которое обычно льется непринужденно, внезапно затормаживается; о том, что иногда живописность переходит в иллюстративную декоративность (последняя картина в лесу); о том, что бесшабашная пляска (второе действие) не вяжется с отважной решимостью людей, у которых «сердце гневом кипит» и которые идут на выручку товарищам; что артист А. Аббасов поет партию Булата, но не создает интересного характера... Все это так, но все это, в общем, частности, и частности устранимые. Важнее другое — то, что пьеса Тинчурина прочтена театром несколько односторонне, преимущественно как комедия. Вот почему открывающая спектакль песня Майсары внутренне противоречива: грустная по тексту, она звучит почти весело, — и вот почему спектакль о большой любви и победе народа кончается... фарсовым появлением ишана с четырьмя женами в ночных костюмах. В этих сценах (как, впрочем, и в некоторых других) происходит насильственное переключение пьесы в комедийную тональность. Между тем ее внутренний смысл требовал гораздо более всестороннего раскрытия. Непременное стремление к комическому обеднило и тему пьесы, и некоторые ее образы: старый ишан, сластолюбец, действующий под личиной святоши, сыгран артистом Х. Уразиковым уверенно, интересно, но явно рассчитанные на комический эффект вульгарные ухватки придают работе актера неприятный оттенок; лирична, обаятельна Майсара в исполнении артистки Р. Хайретдиновой, но драматизм ее судьбы мог быть передан выразительнее. И хочется предостеречь: в некоторых актерских работах ощущается тенденция к упрощению. Но ведь цельность вовсе не должна вести к прямолинейности, ясность — к примитиву. Нужно ли было говорить обо всем этом? Необходимо. Ибо настоящая дружба требовательна: снисхождение оскорбляет ее, компромиссы унижают. Чем скорее искоренят наши татарские друзья эти несовершенства, тем зримее выступят неоспоримые достоинства их искусства. Сила татарского искусства — в живой, порывистой эмоциональности. Линии его четки и завершены, краски — определенны. Чуть-чуть наивное и очень свежее, современное и своеобразное, оно по праву сразу же завоевало симпатии столичного зрителя.

В. ЛЕВИТИНА

Лев НИКУЛИН **ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ**

СТАМБУЛ,

Путешествуя в автомобиле от Анкары до Измира, узнаешь страну во всем ее климатическом разнообразии. Асфальтовая дорога вьется между горных вершин, спускается в долины и снова поднимается в горы — перед нами суровый пейзаж Анатолии, пустынный и сумрачный. Здесь в неустанном труде закалялся характер народа, мужественный и строгий.

Дорога сравнительно пустынна, изредка обгоняешь автобусы, направляющиеся в Бурсу и в Стамбул. Оживляют пейзаж только овечьи стада, охраняемые свирепыми овчарками. Ангорская шерсть — богатство Турции.

Мы сравнительно недалеко отъехали от Анкары. К радости охотников, дорогу перебегают, распушив хвосты, лисицы; одна даже остановилась и с любопытством поглядела на машину. Предстояла еще одна неожиданность. В двухстах метрах от дороги пробежали два волка. Впервые пришлось увидеть этих хищников среди белого дня, и притом не в клетке зоологического сада, а на свободе.

Изредка на дороге можно увидеть грузовики с надписью крупными буквами: «Машала» — обращение к силам небесным. Предполагается, что эта надпись спасет машину от аварий.

Из небольшого торгового города Эскишехира, минуя горы, ущелья, мы выехали на превосходную автомобильную дорогу, позволяющую ехать со скоростью более ста километров. По широкой автостраде мелькали тракторы с прицепами, перегруженными пассажирами, снова автобусы, грузовики, велосипедисты и на обочинах люди, выкрикивавшие: «Газета!», «Газета!»

Не раз мы видели по пути, в тени мечети, в деревенских харчевнях, грамотеев, которые читали землякам вслух, иногда по складам, старые газетные новости. Политические события интересуют народ, который жадно тянется к культуре.

Много в здешнем крестьянском быту такого, что еще не изжито в Турции. Мы видели женщин, работающих на виноградниках, на полях, в оливковых рощах в то время, когда мужчины — их мужья, братья, отцы, — расположившись на сельской площади или в харчевне, покуривали кальян и с любопытством разглядывали проезжающих. Главная рабочая сила в семье — женщина. Горьким юмором отдает шутка, которую мне рассказали: муж едет на ослике, позади пешком бредет жена. «Куда едешь?» — спрашивает мужа прохожий. «Да вот везу жену в больницу». Передовые люди Турции осуждают эти древние, жестокие обычаи, но нелегко изменить веками устоявшийся быт. К тому же это стало привычным. Один видный журналист сказал мне, что, по его мнению, надо укреплять экономику, а лишь потом решать культурные задачи в духе гуманизма...

В середине дня мы прибыли в «Ешиль Бурса»—«Зеленую Бурсу», как называют этот красивый, благословенный природой город. Весна чувствовалась в городе, хотя снег еще сверкал на вершине Улудага, на радость стамбульским лыжникам. Бурса — центр текстильной, камвольной, шелковой промышленности. Здесь и торговый центр — крытый в восточном стиле базар, где бойко торгуют шалями, шарфами, ангорской пряжей местного производства.

Впрочем, торговое и промышленное значение Бурсы менее всего интересует экскурсантов и отдельных туристов. Бурса привлекает чудесным, ровным климатом, памятниками именно турецкого, а не византийского или древнегреческого искусства, которыми так богата Турция. Это и курорт, известный своими целебными источниками.

Образцы великолепной керамики с золотым тиснением в мавзолее султанов, искусно выполненные цветные витражи, резьба по камню — вот чем славятся памятники Бурсы, некогда столицы турецкого султаната. Кипарисы, пятисотлетняя чинара, ствол которой едва ли смогут обхватить десять человек, фонтаны, напоминающие драгоценную игрушку, — вот что надолго запоминает чужестранец, посетивший этот город. Наконец поражает своими размерами древняя, особо почитаемая мечеть Уладжами. Интересно наблюдать, как древнее, насчитывающее более пяти веков существования, уживается в Турции с современностью. Мечеть Уладжами радиофицирована, а на некоторых минаретах правоверных призывает к намазу записанный на пластинку голос муэдзина.

Здешний археолог, очень осведомленный в турецком искусстве и вместе с тем верующий человек, прощаясь со мной, дружелюбно и вполне серьезно сказал: «Я желал бы встретиться с вами на том свете». Это означало большое расположение к гостю, хотя мы оба, разумеется, предпочли бы, чтобы эта встреча на том свете состоялась возможно позже.

После ночлега в Бурсе мы продолжали путь в Измир, спустившись к Эгейскому морю. Горный пейзаж сменился пышным великолепием юга — зеленели оливковые рощи, розовато-лиловым цветом расцвел миндаль; то подступая к дороге, то отходя от нее, синело море. Чувствовалась близость большого города и порта, навстречу нам двигались колонны грузовых машин, груженных ящиками с надписями на английском языке. Кое-где в облаках пыли возникали силуэты верблюдов, семенили стройными ножками ослики. Становилось жарко, закат не принес с собой прохлады, между тем календарь показывал только четырнадцатое марта. Временами дорога напоминала аллею, мы ехали в тени оливковых деревьев. Это поистине благословенный край, край винограда, инжира, олив. Здесь труд земледельца щедро вознаграждает природа, если только он владелец своей земли.

На склоне горы мы увидели селение сплошь из новых домиков. Это дома переселенцев, и новые домики резко отличались от крытых черепицей, приземистых хижин старой турецкой деревни. На юге все, что мы видели, резко контрастировало с суровыми пейзажами Анатолии. Чтобы оживить каменистую землю плоскогорья, дать вдоволь воды столице Анкаре, нужно построить мощные гидротехнические сооружения, нужны большие материальные затраты.

...Но вот мы свернули с прямой дороги в Измир, чтобы увидеть древний Пергам (Бергаму), о котором сказал наш поэт: «Грудой пепла стал Пергам». Пергам—не груда пепла, а руины, изумляющие даже современника высотных зданий. Мы поднялись на гору, где две тысячи лет назад люди жили, трудились, строили гигантские амфитеатры, храмы, больницы.

Мы посетили Эскулапион — древнейшую лечебницу, где больного лечили ваннами, сном и развлечениями и, видимо, лечили недурно, — об этом говорят сохранившиеся мраморные плиты с надписями благодарных пациентов. Античный театр на пять тысяч зрителей реставрирован, и редкая акустика позволяет слышать в последних рядах слово, произнесенное на сцене вполголоса. Здесь несколько лет назад для съехавшихся со всей Европы зрителей сыграли «Ромео и Джульетту».

АНКАРА,

Со скоростью сто двадцать километров в час мы помчались в Измир по недавно законченной, специально обслуживающей туристов дороге. Вечером мы увидели огни измирского порта, пальмы набережной, флаги стран, входящих в НАТО, и самый региональный штаб НАТО.

Устроиться в гостинице было нелегко потому, что ожидали знатных гостей — офицеров шестого американского флота.

Вечером мы отправились в «Культурпарк», как известно, разбитый по плану нашего Центрального парка культуры и отдыха в добрые времена советско-турецкой дружбы. Благодатная природа превратила парк в райский уголок, здесь пышно разрослись пальмы, мирты, лавровые деревья. Даже автомобили, разъезжающие по широким аллеям «Культурпарка», не особенно досаждают гуляющим. В полночь в увеселительное заведение, в центре парка, стали съезжаться жаждущие развлеченья парочки, и тишину нарушил вой, визг и лязг джаза, почему-то называемый танцевальной музыкой.

В Измире нам довелось побеседовать с г-ном Хадымлы — губернатором Измира, рассказавшим о настоящем и будущем города и порта. Экспорт из Турции исчисляется в один миллион тонн, причем через измирский порт проходит 600 тысяч тонн. Порт Измира предполагается расширить так, чтобы одновременно можно было принимать 15 судов. Богатство этого края — инжир, изюм, хлопок, оливковое масло, оливки, называемые у нас маслинами.

Губернатор принадлежит к тому поколению, которое только вступало в жизнь в эпоху реформ Ататюрка. Он помнит еще экзамены в высшей школе, на которых присутствовал, а иногда и задавал вопросы экзаменующимся Ататюрк.

Тот, кому довелось бывать в Измире, разумеется, посетил здешний базар; он остался таким, каким я видел его 24 года назад: живописным, шумным, очень оживленным, со всеми разнообразными запахами кожи, пряностей и жарящегося на углях мяса. Правда, было нечто новое—реклама «туфли для рок-н-ролла» в обувных магазинах, но нельзя сказать, чтобы это новшество порадовало нас.

Кстати, мы имели возможность видеть фильм «Рок-н-ролл», где снимались выдающиеся исполнители этого танца. Контрабасист играл почему-то лежа на спине, поддерживая свой инструмент ногами, а саксофонист дул в свою трубу, стоя на голове. Говорят, «продьюсер», поставивший этот фильм, сделал на нем состояние. После этого ультрасовременного фильма отрадно было отправиться за город, за семьдесят километров, осматривать то, что сохранилось от Эфеса, который был центром культуры в древности. В этом месте Герострат ради того, чтобы прославить свое имя, сжег храм Дианы Эфесской — одно из чудес света. Это ему, как известно, удалось, хотя еще больше вреда, чем Герострат, причинило Эфесу землетрясение.

Археологические раскопки в Эфесе продолжаются и сейчас. Знаменитая, отрытая из-под земли мраморная улица продолжена, можно увидеть открытые для обозрения — бани, руины храмов, статуи, которые еще 24 года назад были скрыты под землей. Мы видим пока только десятую часть города, девять десятых еще скрыто под поросшими диким кустарником холмами.

Из Эфеса мы отправились в клуб журналистов Измирской провинции; клуб помещался на набережной Измира,—это один из красивейших уголков города. Измирская набережная была в развалинах четверть века назад, да и весь город был частично разрушен во время оккупации Измира. Сейчас нет и следа этих разрушений.

В уютном клубе журналистов, в гостиной, откуда из окон открывался вид на сверкающий под солнцем Измирский залив, происходила беседа с журналистами во главе с председателем клуба, редактором выходящей в Измире газеты «Ени-Асыр». Беседовали мы очень непринужденно, вспоминали былое, людей, которых я знал и которые не дожили до этого дня. Вспоминалась поездка с покойным директором музея Измира г-ном Слахеттин беем в горы к горцам Зейбекам. Вспомнив прошлое, заговорили о сегодняшнем дне. Здесь я снова услышал пожелания, чтобы по-старому установились старые добрые отношения между Советской страной и Турцией.

Когда зашел разговор о тревожном для каждого честного человека напряжении в международных отношениях, автор этих заметок, между прочим, сказал, что он пережил три войны и убежден в том, что мир в тысячу, в сто тысяч раз лучше войны. Эти слова были напечатаны в заголовке отчета измирских газет о встрече с советским писателем. Видимо, этим словам придали особое значение потому, что наши недруги стараются убедить в том, будто опасность новой войны исходит не от тех, кто создает военные союзы и блоки, а от стран социализма и мирного труда.

В тот же день мне предстояло покинуть гостеприимный город.

Близился конец моего пребывания в Турции. Где я ни бывал на протяжении тридцати трех дней моего путешествия по этой стране — в Стамбуле, в Анкаре, в Бурсе, в Измире, на дорогах Анатолии и на берегах Эгейского моря, — везде я встречал радушие и гостеприимство.

Нам охотно указывали дорогу, помогали в пути. Эта доброжелательность людей разной среды, разных классов населения может только радовать. Турецкий народ, народ-труженик, заслуживает хорошей, безбедной жизни. Между тем даже турецкая печать пишет о том, что до сих пор главной пищей для крестьян служит луковица, кусок хлеба, несколько маслин, помидоры, что жизнь чрезмерно дорожает и не хватает предметов первой необходимости.

И потому, думается, правы те турки, которые утверждают, что надо идти по пути реформ. Перечитывая историю Турции, беседуя с учеными, с журналистами, с историками, слышишь, с каким уважением и благодарностью они говорят о деятелях Танзимата, о тех немногих султанах, которые оставили по себе память своей реформаторской деятельностью. Недаром один из интереснейших музеев Стамбула—это музей Танзимата, музей, в котором отражена деятельность реформаторов.

Глубокое впечатление в Турции произвело перенесение праха «мученика свободы», жертвы реакционеров-фанатиков — Мидхата-паши, в Стамбул.

ИЗМИР

В Чанкая, в доме Ататюрка, в Анкаре, этот замечательный государственный деятель, уничтоживший султанат и халифат, провозгласивший Турцию республикой, хранил серебряную статуэтку султана Селима, который стремился делать добро народу и пал жертвой дворцовых интриг.

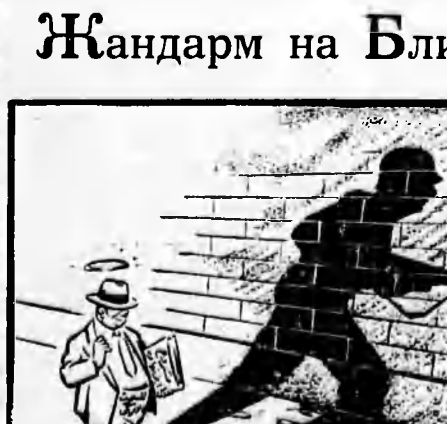
Никогда не изгладится из памяти народа деятельность великого реформатора, борца за независимость турецкого государства, отца турок — Ататюрка.

Он как зеницу ока берег независимость своей родины. Когда же видишь на рейде Измира военные суда под чужим флагом, когда видишь на набережной Измира флаги стран — участниц военного Североатлантического союза, невольно вспоминаешь древнюю латинскую мудрость, изречение римского историка Тита Ливия: «Sub umbra foederis aequi servitutem pati possumus» («под видом равноправного союза можно попасть в рабство»).

Верится, что этого не случится, и никто третий не помешает возродиться старой дружбе, которая возникла 37 лет назад, в годы суровых испытаний, в годы борьбы за независимость турецкого государства.

Окончание. См. «Литературную газету» № 50 от 25 апреля и № 57 от 14 мая с. г.

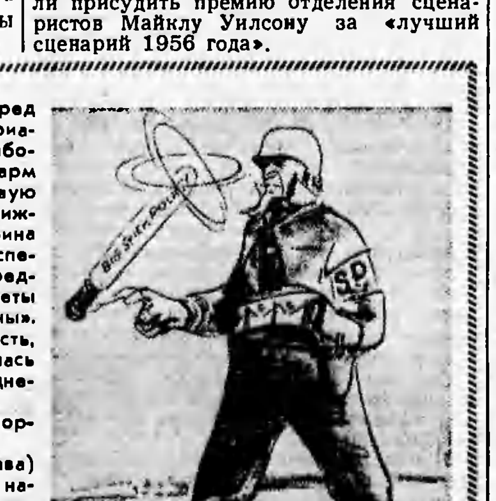
Жандарм на Ближнем Востоке



События в Иордании еще раз обнажили перед всем миром хищный облик американского империализма. Заокеанские колонизаторы пытаются поработить арабские страны, захватить их сырьевые богатства и превратить их в плацдарм для агрессии против социалистических стран. Для этого они стремятся в первую очередь задушить национально-освободительное движение народов стран Ближнего и Среднего Востока. С этой целью была выдвинута агрессивная «доктрина Эйзенхауэра». В качестве ее пропагандиста на Восток был командирован специальный представитель президента США — Ричардс. «Тень американского представителя» — так называется карикатура художника Тугана из египетской газеты «Аль-Шааб» (рисунок слева). В руках у Ричардса папка с текстом «доктрины». Но как бы старательно заокеанский посланец ни изображал святую невинность, сущность рекламируемой им «доктрины» ясна — вслед за Ричардсом двигалась черная тень угроз, провокаций и военного вмешательства США в дела средневосточных стран.

Первой жертвой «доктрины Эйзенхауэра» стал свободолюбивый народ Иордании.

Американский художник Верк из газеты «Чикаго сан-таймс» (рисунок справа) изобразил США в роли жандарма на Ближнем и Среднем Востоке. Рисунок называется «Стража на Иордане». Верк следовал линии официальной пропаганды, согласно которой Соединенные Штаты будто бы призваны охранять средневосточные страны от выдуманной «коммунистической опасности». Но хотел того художник или нет, его рисунок говорит о другом. Дядя Сэм в военной форме, размахивающий атомной дубинкой и попирающий ногами чужую арабскую землю, куда его никто не звал, — это ли не лучший символ самого страшного колониализма нашего времени — колониализма Соединенных Штатов!



ПРИЗЫВ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В майском номере парижского журнала «Франс—ЮРСС» («Франция — СССР») внимание читателей привлекает большая подборка высказываний крупнейших деятелей французского искусства, призывающих к укреплению и развитию франко-советских культурных связей. Здесь выступают и те, кто уже внес большой личный вклад в это благородное и жизненно важное для обоих народов дело, и те, кто надеется его внести в ближайшем будущем. Подборку открывает небольшое вступление, написанное Жоржем Юисманом, государственным советником, генеральным почетным директором Изящных Искусств. Жорж Юисман пишет: «Взаимное и глубокое знание литературы и искусства, несмотря на все трудности, приведет народы к тому, что они будут хорошо понимать и любить друг друга. В укреплении франко-советской дружбы, необходимой для поддержания мира во всем мире, литературные и художественные связи становятся с каждым днем все более важными».

По-разному, каждый со своей личной точки зрения, развивают и дополняют эту мысль выступившие на страницах журнала композитор Жорж Орик, директор «Театра де л'Ателье» Андре Барсак, прима-балерина театра «Опера» Лисетт Дарсонваль, администратор «Комеди франсез» Пьер Декав, пианист Самсон-Франсуа и директор Национального Народного театра Жан Вилар.

Жорж Орик

Андре Барсак

Лисетт Дарсонваль

Пьер Декав

Самсон-Франсуа

Жан Вилар

Приведем некоторые выдержки из их высказываний.

Жорж Орик. Несомненно, что все уже сделанное — всего лишь начало и мы не должны пренебречь ни одной возможностью, предоставленной нам сегодня.

Андре Барсак. Я хотел бы в ближайшее время поехать в Москву, чтобы изучить на месте с руководителями советского театра возможности гастролей «Театра де л'Ателье» в СССР. Этот проект существует уже несколько лет, его выполнение позволило бы советским зрителям ближе познакомиться не только с нашими классическими произведениями, но и с наиболее значительными пьесами французского современного театра.

Лисетт Дарсонваль. Всем сердцем я желаю, чтобы балет Большого театра Москвы и Ленинграда приехал в Париж, и я надеюсь, что вскоре мне представится возможность обогатить мой опыт в СССР, куда в 1939 году мне помешала приехать война.

Пьер Декав. После наших гастролей в СССР мы были в Канаде, затем в США; сейчас нам предстоит большое турне по Китаю и Японии. В этих условиях новая поездка в СССР с достаточным циклом спектаклей может быть серьезно рассмотрена только спустя два театральных сезона.

Но зато вполне возможно и желательно продолжать обмен идеями и техническими достижениями. Такой обмен мог бы плодотворно происходить при взаимных личных посещениях небольших групп из постановщиков, техников, артистов и т. д. Обмен мнений мог бы касаться здесь профессиональной жизни театра и его будущего, всего, связанного с улучшением и обогащением литературных и драматических форм.

Самсон-Франсуа. Для меня было большой радостью, когда весной 1956 года мне выпала честь поддержать в Советском Союзе традиции наших культурных и музыкальных связей, уже столь блестяще возобновленных Маргеритой Лонг. Я не забуду приема, оказанного мне горячей и восторженной публикой, я не забуду изумительного мастерства дирижеров Мравинского, во главе Ленинградского симфонического оркестра, и Аносова, руководителя оркестра Московского радио.

Жан Вилар. Мы по-разному понимаем роль и значение театра, но у нас всегда было общее желание знать, что делается в этой области и в той, и в другой стране. Эта потребность была постоянной, подчеркиваю, и во времена царизма, и в советскую эпоху. Поэтому было бы весьма прискорбно, если бы по политическим или идеологическим причинам обмен между нами прекратился. В интересах общественности нам надо работать вместе, создавая формы искусства, свойственные современному миру.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

КОНКУРС СКРИПАЧЕЙ

В Познани в конце этого года состоится III Международный конкурс скрипачей имени Генриха Венявского, в котором примут участие молодые исполнители, а также скрипичные мастера. Он будет проходить по двум секциям—исполнительского мастерства и качества представленных на конкурс скрипок. Эта особенность конкурса как бы подчеркивает характер творчества выдающегося композитора и скрипача Генриха Венявского, который был не только блестящим виртуозом, но и тонким знатоком скрипки. Жюри конкурса составят наиболее известные польские и зарубежные скрипачи. По окончании конкурса в Варшаве состоятся концерты его лауреатов, а в Познани—выставка премированных инструментов.

«АЛБАНИЯ РАССКАЗЫВАЕТ»

Институт истории стран народной демократии в Лейпциге совместно с Берлинским научным издательством выпускает интересную серию книг — антологий, посвященных литературам стран народной демократии.

Седьмая книга серии носит название «Албания рассказывает». Она содержит вводную статью составителя профессора М. Ламбертца об истории албанской литературы, ее ярко патриотическом характере, происхождении албанского языка и своеобразии национальной культуры этой страны. В статье содержатся сведения о состоянии науки и искусства в новой Албании, о культурной революции. Первая часть антологии содержит народные предания, саги, сказки, исторические материалы о быте, нравах и обычаях албанцев, рассказы о Скандербеге.

Во второй части приводятся отрывки из поэтических произведений классиков албанской литературы XIX века. Здесь же помещены рассказы писателя-демократа первой половины XX века Мидьени. Последняя, самая значительная часть книги посвящена литературе Албании наших дней. Читатель знакомится в хороших переводах со стихами Д. Шутеричи, Зини Сако, Лазара Силичи, Шевчета Мусарая, рассказами Алекса Чачи, Стерио Спассе, Фатмира Дьяты, отрывками из пьес Коль Яковы.

На снимке: обложка книги «Албания рассказывает».

◇

Статьи Казимежа Выки

Краковское издательство «Выдавництво литерацке» выпустило в свет двухтомник литературно-критических работ и статей об искусстве известного польского литературоведа Казимежа Выки, автора ряда исследований по современной и классической литературе Польши. В двухтомник входят работы, написанные автором в послевоенные годы. Первый том открывается исследованием «Прогрессивные традиции польской литературы». Здесь же читатель находит статьи о творчестве классиков польской литературы — «О Юлиуше Словацком», «Стефан Жеромский», «О Сенкевиче», «Основные этапы творчества Жеромского» и другие. Второй том, кроме литературных статей Казимежа Выки, содержит также статьи о живописи и театре. Среди них и рецензии на отдельные наиболее примечательные постановки польских театров — «Слушая «Сида», «Слушая «Отелло». Большое место в двухтомнике занимают работы по современной литературе Польши.

◇ ◇

Швейк на сцене и в кино

Многие зарубежные почитатели таланта выдающегося чехословацкого писателя Ярослава Гашека впервые познакомились с его героем Швейком не на страницах романа, а на сцене или киноэкране.

Вскоре после выхода «Похождений бравого солдата Швейка» в одном из пражских театров была поставлена инсценировка по книге, затем роман обрел новую жизнь в спектаклях известного чехословацкого театра «Д-34». Большой популярностью пользовались инсценировки книги Ярослава Гашека и за рубежами Чехословакии — в Германии, Польше. Многогранный образ солдата Швейка привлекал к себе внимание и кинематографистов. Кроме Чехословакии, фильмы о Швейке были созданы в Австрии и Англии. В прошлом году чехословацкий режиссер Карел Стеклый приступил к работе над новой кинокартиной по роману Ярослава Гашека. Сейчас им ведется работа над второй частью фильма «Бравый солдат Швейк». На снимке: артист Рудольф Грушинский в роли Швейка.

◇

Премия Майклу Уилсону

В Голливуде состоялось вручение премий «Оскар», присуждаемых ежегодно американской Академией кинематографии.

Многие кинокритики ожидали, что премию за лучший сценарий получит автор фильма «Дружелюбное увещевание». Однако фильм оказался... без автора. Дело в том, что картина создана известным сценаристом Майклом Уилсоном. В свое время вместе с другими голливудскими режиссерами и сценаристами он был занесен в «черный список» за свои прогрессивные взгляды. Несколько лет назад по его сценарию был снят с помощью профсоюзов широко известный фильм «Соль земли». И вот Голливуд выпустил его новую картину, не указав в титрах имени автора.

Голливудская газета «Дейли вэрайети» писала не так давно: «Ходят слухи, что Уилсон может набрать определенное количество голосов для получения премии «Оскар» за лучший киносценарий». Чтобы этого не случилось, руководители Академии кинематографии пошли на следующий трюк: за месяц до вручения премий было принято положение, согласно которому всякий, кто не отвечал на вопросы комиссии по расследованиям конгресса, ссылаясь на пятую поправку к конституции, не имеет права на получение премии «Оскар». Путь к премии для Уилсона был совершенно закрыт.

Недавно в Лос-Анжелосе состоялось собрание отделения сценаристов писательской гильдии Америки, на котором присутствовало более тысячи человек. Вопреки решению Академии кинематографии собравшиеся единодушно решили присудить премию отделения сценаристов Майклу Уилсону за «лучший сценарий 1956 года».

Новая книга В. Кеппена

Еженедельник «Зоннтаг» сообщает о выходе в ГДР новой книги западногерманского писателя Вольфганга Кеппена, роман которого «Теплица» пользуется широкой известностью в обеих частях Германии.

Действие нового романа «Смерть в Риме» развертывается в столице Италии, куда съезжаются, чтобы встретиться, наконец, после крушения «рейха», члены семейства видных нацистов Юдеян-Пфафрат.

Из далекой страны, где он нашел применение своим «талантам», приезжает бывший эсэсовский генерал Юдеян, в страхе перед возмездием бежавший из Германии в 1945 году. Из Западной Германии, где он спокойно прожил все послевоенные годы, прибывает его шурин Пфафрат, бывший нацистский бургомистр, снова облеченный властью и чинами. Они намерены обсудить дальнейшие планы — в частности, вопрос о возвращении на родину Юдеяна, твердо уверенного в том, что «фатерланду» вскоре понадобятся его услуги.

В Риме находятся и представители младшего поколения этой семьи: сын Пфафрата, Адольф — католический священник, и его двоюродный брат Зигфрид Пфафрат — молодой композитор, яростно ненавидящий фашизм, мучительно ищущий новых путей в жизни. Столкновение этих действующих лиц и составляет основу сюжета романа. По словам критика В. Йохо, «Смерть в Риме» — «беспощадное» произведение, в котором писатель разоблачает современную ему действительность.

Отметив и недостатки романа, критик пишет в заключение: «Показывая действительность такой, какая она есть, такой, какой он ее видит, честно признаваясь, что не знает, какой она должна стать, Кеппен тем не менее создает произведение, обладающее большой силой художественного воздействия... Он заставляет читателей отдать себе отчет в сложившейся ситуации, предостерегает от чудовищных, атавистических тенденций».

В. С. Узин

Скончался Владимир Самойлович Узин — член Союза писателей, кандидат филологических наук, один из крупнейших знатоков классической испанской литературы.

Родившись в 1877 году в бедной семье, В. С. Узин рано начал трудовую жизнь. В годы советской власти, посвятив себя литературной работе, он получил возможность углубленно заняться давно привлекавшими его проблемами творчества таких испанских писателей, как Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон. Особенно интересны его работы о «Дон Кихоте», над истолкованием которого он трудился на протяжении десятилетий, неизменно подчеркивая дух гуманизма и свободолюбия в бессмертном творении Сервантеса. В. С. Узин был составителем и редактором раздела, посвященного испанской литературе XII—XVIII вв., в «Антологии испанской литературы», изданной в 1938 г. и получившей широкое признание в прогрессивных литературных кругах стран Латинской Америки. Эта книга является ценным пособием для изучающих испанскую литературу.

В. С. Узин занимался также вопросами шекспироведения. Он известен и как автор ряда переводов произведений испанской драматургии.

В. С. Узин был человеком огромного трудолюбия, больших знаний, редкой скромности, отзывчивым товарищем. Таким он и останется в памяти всех, знавших его.

Группа товарищей.

Правление Союза писателей СССР и президиум Московского отделения Союза писателей с глубоким прискорбием извещают о смерти старейшего члена Союза писателей

Соломона Яковлевича ШТРАЙХА

и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМИРНОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-16-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б03077